

ОПАСНЫЕ ИЛЛЮЗИИ

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ

Марина Эльденберт

Опасные иллюзии

<https://litres.ru/74207239>

Аннотация

Начиная свой обычный рабочий день, никогда не знаешь, чем он может закончиться. Утром ты – менеджер агентства по оценке антиквариата, вечером – преступница, которую разыскивает не только полиция, но и желающие добраться до загадочного украшения. Похищение коллеги, шантаж и угрозы, вынужденный побег с эксцентричным нахалом от охотников за древностями, свалившиеся как снег на голову магические способности, да еще и любовь... Думаете, хуже и быть не может? Зря!

Продолжение истории Ригана из повести Хроники Бастарда:
Ив

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	33
Глава 3	48
Глава 4	68
Глава 5	99
Глава 6	125
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Пролог

Повествующий о том, что некоторые британские аристократы не всегда ведут себя вежливо.

Ньюкасл-апон-Тайн, Великобритания. Сентябрь 2014 г.

— Скоро я от тебя избавлюсь! — она бросила взгляд в зеркало заднего вида и добавила. — Да-да, можешь не сомневаться!

Разговаривать с неодушевленным предметом было ребячеством, но Агнесса не удержалась. Она голодна, ужасно устала, ей предстоит встреча с занудным престарелым миллиардером, и все из-за этой подвески! Оставалось утешать себя тем, что она наконец-то приоткроет завесу тайны, с которой они столкнулись.

Круглое украшение с тонким витым узором доставили прямиком из Бельгии, где жила владелица. На месте не справились с работой, а Великобритания славилась специалистами в их области. Частное агентство Роберта Хэйма уже давно было на слуху, его репутация говорила сама за себя.

Необычное ювелирное изделие оказалось полным загадок. Серебристый металл напоминал электрум — белое золото — лишь на первый взгляд. Возраст подвески исчислялся тысячелетиями, но понять, к какой цивилизации оно от-

носится, пока не получилось. Эксперт предположил, что это лишь часть украшения: на внешних краях были небольшие зубрины. Чем больше они его изучали, тем более нереальным оно казалось. Подвеска обещала стать жемчужиной любого аукциона, и после долгих расспросов владелица назвала имя человека, от которого получила столь необычный подарок. К счастью, старик оказался жив и даже согласился на встречу.

Морозящий дождь усилился и грозил вот-вот перейти в ливень: Ньюкасл-апон-Тайн встретил ее неласково. Агнесса уже сотню раз прокляла идею отправиться на машине. Нужно было лететь самолетом, потом взять такси. А ведь ей еще назад ехать. Она мысленно застонала, представив шесть часов обратной дороги. Ночью и в дождь!

Свет фар вовремя выхватил из подступающих сумерек табличку с надписью «Частная территория», под которой от руки было дописано: «Валите отсюда». Агнесса хмыкнула и свернула с трассы. Она уже опаздывала, и только благодаря «гостеприимному» знаку не проскочила нужный поворот. Встреча назначена на пять, а на часах семь минут шестого. Мысль о том, что ее могут отказать принимать, тоже не внушала радости. Семь минут — не полчаса, только кто их знает, этих аристократов.

Прилегающий к поместью парк казался дремучим лесом, но большущий особняк в конце подъездной дорожки манил светящимися окнами и теплом. Двери распахнул высокий

темноволосый мужчина — должно быть, дворецкий. Он забрал зонт и попросил немного подождать. Агнесса облегченно вздохнула: они даже не заметили опоздания. К тому же, она была рада небольшой передышке.

Покрутившись, в нише просторного холла она обнаружила зеркало во весь рост, взглянула на отражение и ужаснулась. Сырость сделала свое дело: аккуратно выпрямленные светлые волосы завились в тугие пушистые колечки, и теперь она напоминала одуванчик. На светлом пиджаке темнели пятна — когда закрывала зонт, с него брызнула вода. Она умудрилась даже туфли перепачкать, хотя по гравию пробежала не больше пары метров. Агнесса попыталась пригладить волосы щеткой, но тщетно. В довершение всего, в сумке не оказалось влажных салфеток, чтобы протереть обувь. Оставалось надеяться, что зрение старика с годами ухудшилось, и он ничего не заметит.

Владелец особняка явно не бедствовал. Кабинет, в который ее проводили, мог легко уместить тренажерный зал, а старинная мебель наверняка стоила целое состояние. По работе часто приходилось сталкиваться с богатыми людьми, но такую роскошь Агнесса видела впервые. Дворецкий предложил кофе, и она с радостью согласилась. Не считая завтрака, у нее во рту и крошки не было за весь день.

Агнесса вовремя сняла пиджак: за спиной открылась дверь, и в кабинет вошел молодой мужчина. Одетый с иголочки, но взлохмаченный, с отросшей щетиной, к тому же

изрядно помятый — как после удавшейся вечеринки. Заинтересованный взгляд светло-серых глаз скользнул по ее фигуре и задержался на груди, которую выгодно подчеркивал вырез легкой светлой блузки. От такой откровенной бесцеремонности она вспыхнула.

— Добрый вечер. Агнесса Уварова, — она протянула ему руку, и мужчина легко ее пожал. Агнесса не собиралась знакомиться со всеми обитателями особняка перед встречей с владельцем, поэтому поспешила объяснить. — У меня назначена встреча с Риганом Эвансом.

— Я Риган Эванс, — он кивнул на кресло, а сам устроился на краю стола, — судя по всему, у меня назначена встреча с вами. Чем обязан?

Агнесса опустилась в кресло и удивленно заморгала. Эвансу, которого искала она, должно быть слегка за восемьдесят. Она не могла так ошибиться. Ее клиентка не просто назвала имя, она сказала, что виделась с Эвансом в семидесятых, в этом самом поместье. Агнесса настолько растерялась, что все заготовленные заранее фразы вылетели из головы. С импровизацией у нее всегда было туго.

— Это какая-то ошибка. Из того Эванса должен уже песок сыпаться. Вы слишком молоды.

Агнесса не раз страдала от привычки говорить то, что думала, но сейчас чуть не провалилась от стыда. Как она вообще могла ляпнуть такое?!

— Виноват, — выразительно произнес ее собеседник, —

да, я слишком молод, а из того парня уже давно высыпался весь песок. Меня называли в честь деда — знаете, семейные церемонии, — он махнул рукой, — из-за этого вечно выходит путаница. Вам повезло, что вы не встретились, он был мерзким типом. Циничная кровожадная скотина.

Картина сложилась, и она поняла, что приехала по адресу, только опоздала. Мог ли внук знать о фамильной ценности, которая перекочевала в другую семью задолго до его рождения? Судя по его замечанию, они с дедом не были дружны.

— Простите за бестактность и примите мои соболезнования, — она непроизвольно нахмурилась. — Аннабель Рени направила меня к вашему деду.

— Зачем? — Эванс напрягся, словно имя было ему знакомо.

Агнесса достала из сумки папку и подала ему.

— Я представляю Лондонское агентство по экспертизе старинных ценностей. Две недели назад клиент нашей компании прислал это необычное украшение. Определить происхождение подвески пока не удалось. Мы решили пойти другим путем и узнать историю украшения. Владелица сказала, что именно ваш дед подарил ей...

Договорить она не успела: Эванс сунул папку ей в руки и резко поднялся.

— Я ничем не могу помочь, Агнес.

— Агнесса.

— Не усложняйте. Напишите своим клиентам: фигня из

неведомого металла непонятного происхождения. По крайней мере, это будет честно. Вы запомнили, где выход?

Возмущенная его бесцеремонностью, Агнесса прижала папку к груди и поспешно вскочила. Ее щеки снова пылали, но на сей раз от гнева. Да, она допустила промах, за который тут же извинилась. Так или иначе, это не повод говорить с ней в таком тоне и выпроваживать за порог, как попрошайку. Профессиональная этика не позволила сразу высказать Эвансу все, что она о нем думает, а спустя мгновение открылась дверь, и вошел дворецкий.

В отличие от владельца особняка, он действительно оказался истинным англичанином: сделал вид, что не заметил вставшей между ними напряженности, поставил поднос с дымящимся кофейником на стол и бесшумно удалился. Как ни странно, появление воплощенного достоинства в лице управляющего Эванс-Холла свело на «нет» весь боевой настрой. Про себя Агнесса грустно попрощалась с мечтой на дорогу выпить горячего кофе со сливками.

— Если вдруг что-нибудь вспомните, позвоните мне, пожалуйста. Есть люди, которым такие вещи небезразличны.

Ей показалось, что в глазах Эванса мелькнуло что-то смутно похожее на интерес, но ощущение быстро прошло. Агнесса достала из сумки визитку, положила на стол и вышла. Она сама не понимала, зачем это сделала. Разумеется, он не позвонит. Эвансу наплевать даже на собственного деда, что уж говорить о тайне странного украшения и тем бо-

лее о репутации их агентства. Единственная ниточка, которая могла привести к разгадке, оборвалась.

Глава 1

В которой Агнесе становится понятно, что не всякая работа одинаково полезна, а иная даже смертельно опасна.

Лондон, Великобритания. Сентябрь 2014 г.

День начинался с пробежки, чашки кофе и хлопьев. Затем она отправлялась на работу в офис, обедала в кафе напротив, вечером посещала спортзал, а перед сном читала книги. Пару раз в неделю встречалась с двоюродной сестрой, выходные часто проводила у родителей. Кто-то посчитал бы такую жизнь скукой, но Агнесса называла это стабильностью. Уверенность в завтрашнем дне, никаких неожиданностей и лишних переживаний.

Она любила свою работу. Уютный чистый кабинет в одном из самых цивилизованных городов мира, должность заместителя директора, отличную зарплату, возможность прикоснуться к красивым и старинным вещам, избегая сомнительной романтики раскопок под открытым небом. Агнесса общалась с клиентами, оформляла документы и заключения о ценности. Любопытная история неизменно отражалась на стоимости предмета, поэтому иногда приходилось проводить расследование с целью узнать побольше о вещице, что попадала на стол к экспертам. С подвеской был тот самый

случай.

Украшение спокойно лежало в хранилище агентства, а старший эксперт Бенджамин Майлз, его подчиненные и Агнесса потеряли сон, покой и аппетит. Страдала их профессиональная гордость, но они ничего не могли с этим поделать.

Вот и сегодня на работе не оставляли невеселые мысли. Увы, отнюдь не об украшении. Она так и не выкинула Эванса из головы, сто раз мысленно прокручивала случившееся, но успокоиться не могла. Он изменился в лице, когда услышал фамилию Рени, а на фотографии едва взглянул. Неужели выставил ее из-за Аннабель? Но почему? Их семьи что-то не поделили в прошлом?

Резкая трель стоящего на столе телефона выдернула из мыслей.

— Агнесса, приехал мистер Эванс. Проводить его к вам?

Лилла терпеливо ждала, а Агнесса приходила в себя. Эванс приехал в Лондон?! Невероятно! Она и на звонок-то не рассчитывала, что уж говорить о личной встрече на следующий день. Справившись с мстительным порывом развернуть его и назначить встречу через неделю, Агнесса все-таки ответила:

— Я сейчас выйду.

— Хорошо.

Эванс дожидался ее в приемной: облокотился на стойку и беззастенчиво флиртовал с индианкой Лиллой, их секретарем. Сегодня он побрился и выглядел более привлекатель-

ным. Разве что короткие темные волосы остались такими же растрепанными.

— Мистер Эванс, чем обязана?

— Признайтесь, не ожидали, — он вплотную приблизился к ней, так, что Агнесса уловила резковатые пряные нотки его туалетной воды, — есть в вашем благопристойном заведении кабинет, где мы сможем остаться наедине?

«Вот ведь хам!»

Агнесса перевела взгляд на сертификаты и благодарности в рамках, напомнила себе о подвеске и кивнула.

— У меня сейчас перерыв. Пообедаем вместе? — улыбка была данью вежливости, потому что Эванс раздражал ее до зубовного скрежета.

— Приглашаете? — он широко улыбнулся и подмигнул.

— Мне нужно взять плащ.

Оказавшись в своем кабинете, Агнесса облегченно выдохнула. Работа с клиентами предполагала общение с самыми разными людьми, но этот мужчина действовал на нее странно, заставлял чувствовать себя неуверенной и неуклюжей. Она даже взглянула в зеркало, чтобы удостовериться, что волосы лежат идеально гладко, а костюм сидит, как влитой. Своим приездом Эвансу удалось вновь выбить почву у нее из-под ног, но Агнесса рассчитывала быстро взять его в оборот и потом так же быстро спровадить. Он — ценный источник информации, и не важно, как она к нему относится. Жаль только, что даже обеденный перерыв придется посвя-

тить работе.

Частное агентство Роберта Хэйма располагалось в центре города, в трехэтажном здании, зажатом между сувенирной лавкой и чайным магазинчиком. Они вышли на улицу, и Агнесса с наслаждением вдохнула полной грудью. Было тепло, дул легкий свежий ветер, изредка набегали облака. Воды Темзы переливались солнечными бликами и шли легкой рябью. Вырваться из офиса и прогуляться по городу в приятной компании — одно удовольствие, вот только Эванс не был приятной компанией. Она старалась держаться на расстоянии, а он словно не замечал возникшей между ними напряженности: улыбался и разговаривал так, будто они были знакомы неприлично давно. Некстати подумалось, что своей улыбкой он разбил не одно девичье сердце.

Они устроились в небольшой кофейне, где основу меню составляли чай, кофе и разные сладости, но пара страниц отводилась под супы, салаты, сэндвичи и закуски. Агнесса заказала бизнес-ланч, а Эванс взял кофе и, когда официант удалился, побарабанил пальцами по столу.

— Отошлите подвеску Аннабель.

Агнесса неосознанно подалась вперед. Она надеялась услышать что-то необыкновенное и любопытное, поэтому выдержала дорогу в Ньюкасл и обратно, поэтому согласилась

на разговор после его хамства.

— Если я не найду концов, делом займется наш директор, от этого зависит репутация агентства. Расскажите, откуда взялась подвеска.

— В свое время моего предка навел на нее один безумный коллекционер. Из-за проклятой штуковины пролилось много крови. Может статься, за ней до сих пор охотятся потомки тех, кому она не досталась.

Агнесса едва не рассмеялась. Эванс не представлял, сколько бакс про семейные проклятия и заговоры она наслушалась за полтора года работы.

— Хорошо, что не привидения, их я побаиваюсь. Мистер Эванс, каждый второй предмет, попадающий ко мне, обладает подобной историей.

— Привидения безопасны, — хмыкнул он, — в отличие от типов, которые могут прийти за вашей безделушкой. Подумайте перед тем, как искать дальше.

Агнесса нахмурилась. Преступников она не боялась. Чтобы добраться до украшения, «типам» пришлось бы забраться в охраняемое хранилище, с непростыми кодовыми замками и сигнализацией.

— Подвеска в надежном месте.

Официант принес заказ, а Эванс задумался, смотрел в окно и словно не замечал ее. Агнесса же рассматривала его. В нем определенно было нечто притягательное. То, что заставляло ее сердце биться сильнее. Он не выглядел сумасшед-

шим, но что она о нем знала? Возможно скучающий миллиардер просто решил развлечься: придумал историю пострашнее и притащился в Лондон.

Агнесса принялась за обед. Сколько времени прошло в молчании, она не знала, но затянувшуюся паузу пришлось нарушить ей.

— Это моя работа, и я доведу дело до конца.

Эванс залпом выпил кофе, словно тот был чем-то алкогольным, поморщился, но не ответил.

— Зачем вы приехали на самом деле?

— Мне стало скучно.

Она невольно улыбнулась его искренности, и тут же об этом пожалела.

— Чаще улыбайтесь, Агнес.

— Агнесса.

— Не усложняйте.

Агнесса сжала кулаки и про себя досчитала до десяти. В начале девяностых отцу и дяде пришлось оставить семейный бизнес, перебраться в Великобританию и начинать с нуля. Она прожила в Лондоне больше двадцати лет, поэтому давно привыкла к тому, что люди при знакомстве коверкали ее имя. Большинство сразу извинялись, но Эванс делал это нарочно. Агнесса встретила его смеющийся взгляд и поняла, что ничего нового не услышит. Разве что очередную байку в стиле Индианы Джонса¹ Значит, разговор закончен, и ей ни к чему оставаться здесь.

— Всего хорошего, мистер Эванс.

— До встречи, Агнес.

Снова эта нагловатая улыбка!

Подхватив сумку, она поднялась, разыскала официанта, расплатилась и поспешила прочь. За время обеда наплзли тяжелые серые тучи, попытки солнца пробиться сквозь их полог вскоре были обречены на провал: они сомкнулись над городом плотным покрывалом. Подул пронизывающий ветер, по поверхности Темзы побежали пенистые буруны, похолодало. Лондонцы привыкли к капризам погоды, но ей вдруг стало не по себе. Агнесса плотнее закуталась в плащ и направилась в сторону офиса. Новая встреча с Эвансом не принесла ничего, кроме разочарования.

Звонок Риты отвлек от составления отчета. Она захлопнула ноутбук и включила громкую связь, продолжая рассматривать подвеску. Та лежала на столе и разве что не ухмылялась ее очередному поражению. Агнесса показала ей язык и сразу почувствовала себя лучше.

— Дай угадаю, ты все еще на работе, — без предисловий заявила двоюродная сестра.

Громким и волевым Риткиным голосом можно было отдавать приказы войскам. Невысокая, большеглазая и пухленькая, она производила впечатление беззащитной и сует-

ной домохозяйки. Обманчивое дальше некуда. Стоило ей открыть рот — и все вставало на места. Свое полное имя, Маргарита, сестра не любила. Равно как и Булгакова, благодаря героине которого ее им наградили. О чем думали тетя и дядя, называя ее в честь всемирно известной ведьмы, непонятно. К счастью, жизнь Риты сложилась гораздо более прозаично. И счастливо.

Родители Агнессы решили не отставать и вспомнили имя прабабки по материнской линии. В итоге первые три класса, которые она проучилась в родной Москве, приходилось выслушивать насмешки и всяческие дразнилки. Тем не менее свое имя она любила.

— Только семь вечера.

— Уже семь вечера!

Скука заканчивалась там, где начиналось общение с Ритой: та считала своим долгом привносить в ее размеренную жизнь смуту и устраивать встряски.

— Я думала, ты устроилась на работу, чтобы сбегать отсюда пораньше. У Пита появился новый помощник, и я пригласила его на ужин в пятницу.

Агнесса закатила глаза, радуясь, что Рита ее не видит.

Сестра всегда была непоседой и бунтаркой, но замуж вышла за обаятельного, серьезного и рассудительного адвоката, чем удивила все их многочисленное семейство. Остепенилась, родила двойню, после чего загорелась идеей устроить ее личную жизнь. Иногда это переходило все границы, и

Агнесса желала просто пообщаться с племянниками, а не с кандидатом в спутники жизни.

Она аккуратно уложила украшение в коробку и стянула перчатки.

— Я могу отказаться?

— Конечно нет. Если бы не я, ты бы вообще не ходила на свидания.

Отчасти Рита была права. Она не искала новых отношений, особенно после разрыва с Джоном, предпочитала одиночество вынужденным свиданиям с теми, кто ей ничуть не интересен. Образ высокомерной и неприступной карьеристки стал ее маской, но обычно Агнесса не переживала по этому поводу. А вот сейчас слова Риты неприятно зацепили. Словно она была старой девой, на которой все давно поставили крест. Она вспомнила о неудачной поездке, разговоре с Эвансом, и ухватила за возможность перекрыть поток упреков.

— Сегодня я обедала с мужчиной.

— Да ну! И как его зовут?

— Риган Эванс. Миллиардер. Коллекционирует антиквариат.

— Уродливый старик?

— Молод и привлекателен.

Эванс — далеко не красавец, но изюминок столько, что хватит на целый пирог. Ее заинтересованность в нем звучала смешно, но хоть на что-то он сгодился.

— Я вся обратилась в слух.

— Он хам, к тому же отпускал нелепые комплименты. И ему не нравится моя работа.

— Никому не нравится твоя работа, — хмыкнула Рита. — Если бы у меня были такие формы, я бы каждый вечер бегала на свидания. Это дар природы, который ты не используешь!

— Я упорно работаю, чтобы этот дар сохранить, — родные Агнессы обладали хорошим аппетитом и круглыми, как шары, фигурами. Только строгая диета и спорт помогали ей не раздуться до необъятных размеров. — До пятницы?

— Не опаздывай, Кудряшка.

Агнесса нажала отбой, подхватила коробку и направилась в хранилище. Она набрала код на панели и наблюдала, как расходятся металлические двери. За годы существования агентства здесь побывало много интересных вещей самого разного возраста и происхождения. Слушать истории Роберта было словно окунуться в приключенческие романы, но такой загадочный дракон к ним попал впервые. Агнесса положила подвеску в нужную ячейку, расписалась в журнале и засобиралась домой.

Еще в коридоре она заметила Майлза. Секретарь отошла, а Бен уткнулся лбом в кулак, постукивал пальцами по стойке и вздрогнул, когда услышал ее шаги. На мгновение перед глазами мелькнул совсем другой образ-воспоминание — нахала по имени Риган Эванс, который Агнесса поспешно прогнала. К счастью, рыжий и долговязый Майлз был совершен-

но на него не похож.

— До свидания, Агнесса, — его голос едва уловимо дрогнул.

— До завтра, Бен.

Дорога домой лежала через фитнес-центр, где Агнесса боролась со стрессом и лишними калориями в бассейне и тренажерном зале. Рабочий день закончен, а загадка подвески по-прежнему не раскрыта. Эванс — скучающий бездельник, но он точно знает гораздо больше, чем говорит. И по какой-то причине не хочет этим с ней делиться, только пугает. Если бы она могла заставить его говорить! Агнесса яростно крутила педали, понимая, что зашла в тупик. Придется завтра говорить с Робертом о невыполнимой задаче.

Агнесса выходила из дома, когда на мобильный позвонили с неизвестного номера.

— Мисс Уварова, — женщина с резким голосом и американским акцентом говорила так, будто для нее не существовало преград и препятствий, — у меня к вам деловое предложение. Мне нужна подвеска, которую доставили из Бельгии.

Телефон коротко пиликнул. Агнесса замерла, непонимающе уставилась на экран: в сообщении не было ничего, кроме суммы с пятью нулями. Ей впервые предлагали подкуп.

— Вы хотите ее купить? Но я не владелец. Придется дожидаться, пока предмет оценят и выставят на аукцион.

Ситуация сама была крайне неприятной. Откуда женщина вообще взяла номер?

— Назовите свою сумму, и покончим с этим.

Агнесса вспомнила предостережение Эванса о том, что за украшением рано или поздно придут. Так и случилось. Или же он сам пожелал вернуть вещицу, которую дед подарил Аннабель Рени?

— Я не продавец, — спокойно повторила она. — Всего хорошего.

Самоуверенность и наглость незнакомки раздражала. Агнесса хотела нажать отбой, но в трубке раздался смешок.

— Подумайте, мисс Уварова. До завтра. Я дважды не предлагаю, но ради вас сделаю исключение.

Незнакомка опередила ее и первой бросила трубку. Агнесса резко дернула дверь и вышла из дома. Гнев пересилил страх, но ненадолго. Она действительно боялась. До дрожи в коленях и бешеного сердцебиения. Сама не понимала, чего именно. По дороге на работу и во время ланча Агнесса все время оглядывалась. Она смотрела в зеркало заднего вида, когда вела автомобиль, вздрагивала от любого шороха в кабине, а когда зазвонил телефон, чуть не смахнула его со стола. Некстати вспоминались реки крови, о которых упомянул Эванс, но она без устали напоминала себе, что находится в обычном мире, а не в криминальном сериале. Поговорить

с Робертом так и не удалось, он заглянул в офис после обеда и сразу уехал на встречу с новым клиентом.

Подвеска стала еще более загадочной. К ним попадали роскошные и дорогие ювелирные украшения, которые из-под молотка уходили за огромные суммы. Сколько же она стоит на самом деле, если за нее предложили такие деньги?

Вечером Агнесса пропустила тренировку и сразу отправилась домой. Заперлась на два замка и на всякий случай включила свет во всех комнатах. Расслабиться не помогла даже горячая ванна, зато заснула она быстро. Завтрашний день сулил конец рабочей недели, наставления Риты, встречу с коллегой Питера и закрытие темы неопознанного украшения в разговоре с Робертом. С нее хватит!

Утром Агнесса сделала несколько кругов по парку, позавтракала и отправилась в офис. Босс не забыл о ее просьбе и пригласил в свой кабинет. Волосы Роберта уже тронула седина, но он был из тех, о ком говорят, что они всегда молоды в душе. Хэйм начинал с помощника эксперта и прошел долгий путь, прежде чем открыл собственное агентство. Агнесса рассказала ему про исследование подвески, о неприятном телефонном разговоре и угрозах. О второй встрече с Эвансом она умолчала, сама не понимая, почему.

— В нашей работе всякое бывает, — Роберт внимательно

смотрел на нее поверх очков. — Что именно вам предложили?

— Продать подвеску за баснословную цену, — ее до сих пор передергивало, когда вспоминала резкий голос женщины. — Я ответила, что мы всего лишь посредники. Боюсь, что они не отстанут.

Роберт усмехнулся.

— Когда я только начинал работать, — он крутил между пальцами ручку, и каким-то образом умудрялся ее не ронять, — ко мне приходили и клиенты — с просьбами завысить ценность или написать для их антиквариата фальшивую историю, и перекупщики, и сумасшедшие коллекционеры. В век информационных технологий, когда все оставляет свой след, они просто стали осторожнее. Большинство из них относительно безобидные авантюристы, но если такое повторится, дайте мне знать. Звонок в полицию быстро охладит их пыл, особенно если у вас есть доказательства.

Агнесса облегченно кивнула. Она работала с ним не так давно, и понимала, что это только начало пути. Наверняка придется столкнуться с еще более неприятными историями. Она не удалила сообщение и предъявит его полиции, если понадобится.

— Что насчет прошлого нашей загадочной и столь популярной подвески? Удалось узнать что-нибудь интересное? Что говорит Бен?

Агнесса хотела, чтобы Майлз присоединился к беседе, но

он так и не появился, а Лилла не смогла до него дозвониться. Пришлось объяснять, что никто из команды Майлза так и не продвинулся в работе. Вещица оставалась темной лошадкой. Ничего подобного они еще не видели, но каждый боялся вынести свой вердикт и ошибиться.

— Все в этом мире имеет точку отсчета и вполне материальную структуру, а значит, концы найти можно всегда. Прочее лишь отговорки.

Агнесса упрямо поджала губы. Это был увесистый камень в ее огород.

— Мы же не можем объявить об открытии нового элемента?

— Лучше найдите связь со старым, — хмыкнул босс. — Или вы желаете, чтобы я лично этим занялся?

Агнесса не хотела, поэтому сдержанно поблагодарила Роберта и с позором вышла из кабинета. Написать в характеристиках «электрум» Майлзу не позволит гордость эксперта. Тогда откуда она возьмет стоимость? Придумает?

Погруженная в невеселые мысли, Агнесса заполняла отчет по колье с рубинами и едва не подпрыгнула от звонка мобильного.

— Мисс Уварова? — говоривший либо слишком много курил, либо был простужен: хриплый и низкий голос. Из трубки фонило помехами, как из рации. — Что вы надумали по поводу нашего предложения?

Агнесса чуть не выронила телефон. Она надеялась, что ее

оставят в покое, но зря.

— Ничего не изменилось. Если продолжите в том же духе, я сообщу полиции. У меня сохранилось ваше сообщение.

— Я бы не стал бы этого делать, — из трубки донесся лающий смех, — иначе вам придется жить с мыслью, что смерть коллеги — ваших рук дело. Сможете жить с такой ношей?

Агнессе показалось, что она в затянувшемся дурном сне, и вот-вот проснется. В ее стабильной и слишком простой жизни такого не могло произойти.

— Что вы сказали? — неуверенно переспросила она.

В трубке что-то хлопнуло — звук, отдаленно напоминающий оплеуху, раздался вскрик. Агнесса съежилась, будто ударили ее, а потом раздался жалобный голос Майлза. Так мог говорить только до смерти перепуганный человек.

— Агнесса, они убьют меня, если ты не отдашь им подвеску.

Он разрыдался сквозь помехи.

Агнесса вдруг поняла, что не может дышать, и откинулась на спинку стула.

— Все слышали? Принесите подвеску сегодня к семи в Ричмонд-парк, и рыжик останется жив. Сообщите в полицию — и ваши проблемы только начнутся.

Пока Агнесса собиралась с духом, чтобы ответить, собеседник повесил трубку. Мысли лихорадочно прыгали с одной на другую. Она не могла унять дрожь в руках, и осторожно положила телефон на стол. Этого просто не может

быть! Она ощутимо ушибнула себя, но реальность не собиралась меняться и становиться более приветливой. Напротив, теперь на запястье расплывался неприглядного вида маленький синяк.

Что же делать дальше?!

Здравый смысл подсказывал Агнессе сообщить властям о похищении Бена и во всем положиться на полицию. Они с Майлзом не были друзьями, и общались разве что по работе, чем она может ему помочь?! На этой мысли Агнесса отругала себя за черствость. Пока полиция доберется до них, Бена уже убьют.

Ее трясло — не от холода, но она обхватила себя руками и тихо всхлипывала, по спине струился липкий пот. Помощи ждать неоткуда. Ни от Роберта, для которого такие ситуации «бывают», ни от родных, которым может грозить опасность. Разрыдаться от бессилия мешала только сдержанность, к которой Агнесса приучала себя годами. Она привыкла все делать сама, целеустремленности ей было не занимать.

Семья. На месте Майлза вполне мог оказаться кто-то из них. Агнесса содрогнулась, ее затошнило, и она вцепилась пальцами в край стола. Они могли позвонить и сказать, что у них мама, отец, Рита или ее дети. Решала бы она сейчас, что ей делать, или уже мчалась бы на встречу?!

Агнесса не заметила, как оказалась в хранилище. Вытащила нужный ящик, и взглянула на подвеску словно впервые.

— Что же ты такое? — тихо спросила она.

Эванс оказался прав. Вещица привлекала к себе чересчур много внимания.

Агнесса по привычке расписалась в журнале и вынесла коробку. Вечером под замок вернулся пустой ящик. Охранник ничего не заподозрил, только доброжелательно улыбнулся, когда она уходила. Обычно она любила поболтать с Ричардом, но сейчас ее не хватило даже на слабую улыбку в ответ. Только она, Роберт и Бен имели доступ в хранилище. Знали об этом преступник? Что, если Бен тоже отказался им помогать, за что и поплатился?

С такими людьми связываться не стоит. Агнесса понимала, что здорово рискует, но бросить Майлза не могла. Она вела машину, исполненная отчаянной решимости. Ни одна человеческая жизнь не стоила пусть даже самой дорогой подвески. На первый взгляд все было слишком легко — отдать украшение, забрать Бена и позвонить в полицию. Разум подсказывал, что за кражу ее по голове не погладят, но Агнесса цеплялась за то, что спасает человека. Она не сообщница, а жертва шантажиста. Ее бросало то в холод, то в жар, сердце билось часто-часто, не хватало воздуха. Агнесса старалась не открывать окна в машине, но сейчас пришлось изменить привычке.

Она ушла с работы пораньше, поэтому уже в шесть стояла возле Ричмондских врат. Вечер выдался теплым и безветренным. Желающих погулять в самом большом парке Лон-

дона было много, и люди спешили мимо. Родители с детьми, собачники со своими питомцами, парочки, которых привлекали свидания на свежем воздухе, велосипедисты. Зеленое пятно в центре мегаполиса — настоящее спасение от городского шума и выхлопных газов автомобилей.

Агнесса давно не была здесь, но хорошо помнила широкие дорожки, большие кроны деревьев и уток, плавно скользящих по водной глади. Осень раскрасила парк в яркие золотые и багряные цвета, но ее сейчас мало трогала красота природы. Она бродила по аллеям неподалеку от входа, чувствуя себя одинокой и потерянной, постоянно смотрела на часы. Как назло, время тянулось медленно, секунды нехотя складывались в длинные минуты.

От звонка она вздрогнула и поспешно взяла трубку.

— Да! Я на месте!

— Идите в сторону плантации Изабеллы, — бросили короткое, прежде чем отключиться.

Агнесса направилась было вперед, но тут ее мягко подхватили под локоть и увлекли в сторону от проходящей по дорожке парочки.

— Милое платье. Почему вы не надевали его раньше?

Она рванулась, готовая отбиваться и кричать, судорожно вздохнула, повернулась и оказалась лицом к лицу с Эвансом. Агнесса пыталась сосредоточиться на его словах, лихорадочно соображая, откуда он вообще выскочил и как здесь оказался. Платье? Ах да, сегодня после работы она собиралась

в гости к Рите, поэтому оделась наряднее обычного.

— Я решил, что нам стоит куда-нибудь сходить. Например, в оперу. Вы любите оперу?

Он что, издевается?! До семи оставалось несколько минут, она должна успеть спасти Бена!

Агнесса помотала головой и сдавленно произнесла:

— Извините, я спешу.

— У вас свидание? Не с тем ли назойливыми типами, которым нужна подвеска? — Эванс обворожительно улыбнулся. — Не ходите к ним, они плохие.

Не дожидаясь ответа, он с силой сжал ее локоть, на удивление мягко направляя к выходу. Агнесса с удовольствием бы сбежала отсюда на край света, но она пришла сюда ради Майлза, поэтому рванулась из его рук.

— Отпустите немедленно! Откуда вам все известно? Вы следили за мной?!

Эванс кивнул, но сознание уже подкинуло новую догадку, и у нее дыхание перехватило от гнева.

— Вы сами все это подстроили! Если это розыгрыш, то вы сильно об этом пожалеете! Я вас засажу за решетку до конца ваших дней! Я...

— Делать мне больше нечего, — Эванс приподнял брови. У него была невероятная живая мимика, Агнесса заметила это еще в первую встречу. Он не лгал ей, по крайней мере, сейчас. — Пока мы с вами тут болтаем, ваши знакомые уже начинают волноваться. Если мы прямо сейчас не возьмемся

за руки, быстренько не выйдем из парка и не сядем в мою машину, волноваться придется уже нам.

У Агнессы закружилась голова, она перестала сопротивляться и позволила себя вести.

— Мой коллега у них в заложниках, — слабо всхлипнула она.

— Вашего коллеги уже нет в живых.

Бен... мертв?!

Эванс положил руку на ее талию, откровенно притягивая к себе, но Агнесса была слишком напугана, чтобы возмутиться его наглости и отодвинуться. В тумане полузабытья она равнодушно отметила, что Эванс усадил ее в черный «Лотус Эвора». Она зажмурилась, стараясь дышать ртом, но выходило плохо.

Машина мягко тронулась с места, Агнесса вцепилась в сиденье и смотрела на мельтешащий за окном Лондон. Мир вокруг вращался со все возрастающей скоростью, перед глазами плыли разноцветные круги.

Ее могли убить, а теперь обвинят в краже!

Жизнь сжалась до крохотной точки и замкнулась в салоне спортивного авто, в котором витал ненавязчивый запах кожи и горького миндаля. Она не могла и не хотела думать про большой мир, потому что в нем творились слишком страшные вещи.

1 Индиана Джонс — вымышленный персонаж Стивена Спилберга и Джорджа Лукаса, археолог. Герой серии при-

ключенческих фильмов.

Глава 2

В которой у Ригана (несмотря на суровые жизненные обстоятельства) на первый план выходит интерес к новой знакомой.

Риган вел машину и изредка поглядывал на Уварову: побелевшие губы, ни кровинки в лице. Она вцепилась в лежащую на коленях сумку с такой силой, будто это спасательный круг, а корабль вот-вот должен пойти ко дну.

Катаясь за ней по Лондону, Риган обнаружил много всего интересного. В частности, что Уварова блюдет фигуру: бегаёт по утрам и каждый вечер после работы ходит в фитнес-клуб. Честно говоря, там было что блюсти — весьма пышные формы, но ничего лишнего. Чутье не подвело, и через день, ближе к обеду, за Уваровой нарисовался второй хвост. Неприметный тип в потрепанном седане, идеально сливающийся с обстановкой, «сопровождал» ее всюду.

Ближе к вечеру Уварова вернулась домой, а ее «хвостик» поехал дальше. По дороге он подобрал двоих дружков, и все вместе они развернули бурную деятельность. В Ист-Энде, ближе к ночи, они отловили рыжего долговязого парня. Тот получил укол в шею и был благополучно отгружен в багажник. Как выяснилось, это оказался коллега Уваровой, ради спасения которого она храбро ринулась в парк.

В том, что рыжий обречен, Риган не сомневался. Будь у него пара-тройка часов на уговоры, он не стал бы говорить ей об этом сразу, но времени оставалось в обрез. Уварова всерьез вознамерилась спасти парня, и вытащить упрямицу из неприятностей можно было только оглушив правдой. А ведь он еле успел! Ему не казалось странным, что привыкшая вовремя уходить с работы дамочка в пятницу сбежала на час раньше, а вот то, что за ней больше не следили — вполне. Одета она была как на свидание, бродила по дорожкам парка и поглядывала на часы. Правда постоянно озиралась, а когда ей позвонили, вздрогнула и подскочила на месте. Это и спасло ей жизнь.

По лицу Уваровой все читалось, как в раскрытой книге: в расширенных зрачках голубых глаз плескался страх, а в опущенных уголках плотно сжатых губ — отчаянная решимость. Риган сообразил в чем дело сразу, как только она сказала: «Я спешу». И выглядела при этом так, словно разрывалась между желанием послать его подальше и умолять не оставлять одну.

Не женщина, а сплошная загадка. Когда Уварова появилась в Эванс-Холле, волосы у нее вились тугими колечками, сейчас же были безукоризненно гладкими. Она напоминала то весьма сексапильную библиотечаршу, то расслабленную бизнес-леди, и на удивление быстро переключалась с образа увлеченной студентки на строгую учительницу, которая при случае отшлепает указкой. Она показалась ему обычной

современной дамочкой, зацикленной на карьере, здоровом образе жизни и фигуре, но сегодняшний день внес в образ осязаемые коррективы. Далеко не каждый рискнет жизнью даже ради родных и близких. Наивность и бесстрашие — два в одном, чаще всего заканчиваются для человека печально. Ригану доводилось встречать по-своему умных людей, которые в житейском плане не смыслили ни черта. Обмануть их было, все равно что обвести вокруг пальца ребенка. Похоже, его новая знакомая как раз из таких.

Зазвонил мобильный, и Уварова снова осязаемо вздрогнула. Дрожащими пальцами потянулась за телефоном, но Риган перехватил его раньше, чем она успела ответить. Открыл окно и вышвырнул на дорогу. Сработало как пощечина. Первое оцепенение прошло, теперь она смотрела на него, как на лютого врага. Неприязненно и зло.

— Зачем вы это сделали?! Куда мы едем?

— В Эванс-Холл. По этой штуке нас легко отследить.

— Кому понадобилось за нами следить?! — ее голос сорвался на крик. — Звонила моя сестра! Все из-за подвески?! Я не предупредила родных. Боже, я должна вернуть украшение в хранилище, иначе меня посадят!

Машина ровно шла по трассе, поэтому Риган воспользовался проверенным способом возвращения женщине устойчивого душевного равновесия. Не выпуская руль, свободной рукой притянул ее к себе и впился в губы жестким поцелуем. От нее исходил едва уловимый запах духов — мягкая

и ненавязчивая свежесть: приятный, будоражащий аромат. Память прикосновений отозвалась на грубость инстинктами зверя, он проследил пальцами контур бьющейся жилки на ее шее — и внутри все перевернулось. Несмотря на открытое окно, по телу прошел жар, а брюки стали тесноваты. Самую малость.

Уварова дернулась, вцепилась в его предплечье, в широко раскрытых глазах смешались страх и желание. А потом она зажмурилась и обмякла, не отвечая, но и не пытаясь вырваться: искра погасла. Он отпустил ее столь же внезапно, как и поцеловал, скрывая разочарование за смешком. В последнее время секс выходил без огонька, да и то скорее по привычке, поэтому яркое возбуждение от поцелуя Риган списал на некую забавную странность. Уварова сложила руки на коленях и отвернулась к окну, а ему пришлось постараться, чтобы направить мысли в другое русло.

Пока штукавина целая, ей придется сидеть тихо и не высовываться. Вещица, фотографию коей привезла незабвенная Уварова, некогда была весьма опасна. Неудивительно, что Агнессе и ее коллегам не удалось определить происхождение, стоимость украшения и тем более материал, из которого оно выполнено. Нужно было сразу ее уничтожить, но кто же знал, что неприятности потянутся от этой дряни, как щупальца Ктулху1.

Дорога затянулась в сонном молчании. Пришлось останавливаться, брать себе убойную дозу энергетика и запивать

кофе. Просвещенные умы полагали, что такое сочетание — смерть желудку, но он не хотел уткнуться носом в руль на полной скорости где-нибудь на трассе. Риган предложил Агнессе перекусить, но она покачала головой и бросила на него неприязненный взгляд. Третья встреча у них тоже не задалась.

Дом в георгианском стиле казался гротескным слепком на теле современности. Отгрохать его Ригану пришлось в голову в приступе скуки и ностальгии, но денег он не пожалел, и вернул родовому гнезду прежний облик. Увитый плющом особняк каменной кладки устроился посередине огромного парка. Такие места нравятся туристам, романтикам и ролевикам. Последних не смущала даже табличка, но их без устали гоняли сторожа.

Он остановил машину на подъездной дорожке, открыл Уваровой дверцу и подал ей руку. Она смерила его хмурым взглядом и вышла сама.

— Я думаю, что вы, Эванс, в сговоре с теми ребятами.

Несмотря на усталость, Риган улыбнулся. Она смотрела на него, как учительница из пансиона для мальчиков на нашкодившего воспитанника.

— Вы еще и думать умеете? Не женщина — мечта, — он указал на двери, — прошу. Я уже приготовил для вас кан-

дали и темницу, где вам предстоит коротать дни до конца жизни.

Уварова сжала кулаки и топнула ногой.

— Вы бываете серьезным?!

— По вторникам и субботам, с пяти до восьми утра, но чаще всего в это время я сплю. Так вы согласны?

— Оставьте свои фантазии при себе! — она решительно направилась к двери. — Откуда можно позвонить?

— Шутите? — Риган перехватил ее за локоть. — Хотите, чтобы эти типы явились сюда? Нет уж, спасибо.

К счастью, она не начала брыкаться и дергаться, как молодая газель, попавшая в силки. Взваливать даму на плечо и тащить через порог Риган считал неэтичным и пошлым трюком. Кроме того, он сам еще не придумал, что с ней делать. Уварова вынесла проклятую вещицу из хранилища. Как ни крути, спокойная жизнь ей в ближайшее время не светит. В лучшем случае — обвинение в воровстве и тюрьма, в худшем — билет до соседнего облачка к рыжему.

Несмотря на поздний час, навстречу им вышел Джонатан. Ему было не привыкать к ночным бдениям. Лет двадцать назад Хартстридж принял знамя у стареющего отца. Неизменный и непреступный, как Лондонский Тауэр, и такой же надежный. Когда Джонатан был молодым, его младшая сестренка влипла в весьма неприятную историю. Риган вовремя пришел на выручку, но после того случая Джулия с родителями сразу уехали из Ньюкасла, а Хартстридж остался. И с

тех пор ни разу не подводил.

Увидев рядом с ним гостью, Джонатан не изменился в лице.

— Добрый вечер, сэр, мисс Уварова. Позвольте ваш плащ? — он внимательно посмотрел на гостью.

В Хартстриджа были встроены врожденное обаяние и уникальная память на имена. Он не рассыпался в комплиментах, не льстил и крайне редко улыбался, но попадая в сферу его чуткости, человек чувствовал себя на удивление нужным. Если не центром Вселенной, то очень близко к этому. Сам Джонатан предпочитал оставаться незаметным — истинный серый кардинал Эванс-Холла.

— Ей нужна отдельная комната, — улыбнулся Риган, предвкушая реакцию, и она не заставила себя ждать. У Джонатана дернулась бровь — величайшее проявление эмоций в исполнении Хартстриджа.

— Как скажете, сэр.

— Мне не нужна комната! — огрызнулась Уварова. — Я голодна и хочу домой. И я не преступница.

— У нее сложный период в жизни, — приложив ладонь к губам, прошептал Риган. — Я найду, чем ее покормить.

Хартстридж покачал головой, принял из рук Уваровой плащ и степенно удалился.

— Джонатан хороший и добрый малый, — Риган улыбнулся уголком губ и протянул ей руку, — он здесь всем управляет. Если тебе не понравится запах фиалок в спальне

— это к нему. Не уверен, что в спальнях есть фиалки и здорово устал от церемоний, поэтому пока тебе готовят комнату, мы поужинаем. Заодно я все объясню.

Уварова подчеркнуто скрестила руки на груди.

— Кандалы отменяются? — несмотря на излишнюю серьезность, чувство юмора у нее было в порядке.

— Только попроси, Солнышко.

На кухонном пространстве Эванс-Холла можно было разместить театральную сцену. Шкафы с многочисленной посудой, рабочие поверхности и столы для готовых блюд. На его памяти, ни разу всю эту роскошь не пришлось задействовать полностью: приемов он не давал и открытых вечеринок не устраивал. Эванс-Холл стал для него норой, в которой можно отсидеться и зализать раны, напиться в хлам и крушить все, что попадется под руку.

Уварова села у дальнего стола, устроенного на манер барной стойки, облокотилась на него и закрыла глаза. Огромный холодильник был забит продуктами и полуфабрикатами под завязку: Джонатан заботился о том, чтобы во время его пребывания в Ньюкасле он ни в чем не нуждался. Покопавшись на полках на мотив «чего-нибудь попроще», он обнаружил замороженные овощи. Сковорода обитала в одном из многочисленных ящиков, и спустя минут пять мысленных руга-

тельств и открываний подряд всех дверей, Риган узнал, в какой именно. К тому времени Уварова уже успела задремать. Он высыпал в посудину содержимое пакета, залил маслом и закрыл крышкой.

— Я готовлю. Этот день войдет в анналы моей летописи, — Риган устроился на соседнем стуле, потряс ее за плечо и подпер рукой щеку, — итак, Агнес. Правило выживания номер один. Никому не звонить. Сбившись со следа, твои приятели начнут шерстить родственников и знакомых. Если попытаешься с ними связаться, подставишься сама, и их подставишь. Это понятно?

Ему нравился не столько сокращенный вариант ее имени, сколько ее трогательное недовольство. Сейчас маневр остался без внимания: она взвилась белобрысым вихрем и вцепилась пальцами в волосы.

— Я должна вернуться! Должна отдать подвеску... Я не прощу себе, если с моими близкими что-то случится!

Риган резко поднялся и оказался с ней лицом к лицу.

— Хочешь, чтобы они отправились следом за рыжим?

Прозвучало жестоко, но Уварова снова была на грани: той, что хрупкой преградой отделяет отчаяние от безумного страха. Позволить ей рухнуть он не хотел.

— Нет, — она побелела, губы задрожали.

Он кивнул и указал на стул. Уварова покорно села и устало посмотрела на него. В ее глазах застыл невысказанный упрек, и звучал он в переводе с ментального приблизительно-

но так: «Это ты не позволил вернуть подвеску назад! По твоей милости меня посадят за решетку. Из-за тебя мои родные сейчас места себе не находят, а начальник считает воровкой».

Отчасти это было правдой. В двадцатом столетии вещьца прошагала долгий путь именно с ним. Риган не представлял, как объяснить дамочке, что эта штука уже натворила, а главное — что еще может натворить. Надо было сразу расплавить проклятую дрянь, а остатки вышвырнуть в Амазонку.

— То, что лежит в твоей сумке — ключ к Древней и очень опасной цивилизации, — произнес Риган. — Пока что я не представляю, кому он понадобился и зачем, но я это выясню.

Агнесса посмотрела на него, как на сумасшедшего, и прижала сумку к груди.

— Мне надоели ваши игры, Эванс. Я должна вернуть подвеску. Мне не нужны ни цивилизации, ни новые металлы, ни заговоры. И вообще — держите свои руки и другие части тела от меня подальше!

Прозвучало двусмысленно, а память тела мгновенно отозвалась на этот намек.

— Правило выживания номер два — вытекает из твоей возмущенной тирады, — Риган хлопнул ладонями по столу, — если очень хочется что-то сделать, подумай об этом пять минут. У меня оно не всегда работает, но должен же я был сказать. Тем более что точку невозврата мы уже прошли.

— Мы?!

— Именно так.

Она отвернулась и стала рассматривать столешницу. Неизвестно, о чем эта женщина сейчас думала, но Риган не спешил нарушать молчание. На нее сегодня и так многое свалилось. Такое не каждый крепкий мужчина выдержит.

— И я... не смогу вернуться домой? — дрожащим голосом спросила Уварова. От воинственности не осталось и следа. Она сжимала сумку, как щит, но губы подрагивали от напряжения и сдерживаемых рыданий. — Что же мне тогда делать?

— Сейчас есть, а потом идти спать, — Риган пожал плечами, — завтра будет видно.

Больше они не разговаривали. Овощи поджарились быстро, правда посолить их Риган забыл, равно как и убавить огонь, поэтому нижний слой вышел в стиле вегетарианского барбекю. Он этого почти не заметил, наспех проглотив все, что лежало в тарелке. Сейчас гораздо больше к столу пришелся бы сочный ростбиф, но его готовить было несравнимо дольше и сложнее, а Риган валился с ног от усталости.

Что Уварова думала о его кулинарных талантах, осталось за кадром, потому что она молчала и упорно избегала взгляда. Когда на кухне появился Джонатан — сообщить, что комната для гостя готова, она поспешно вскочила, чуть не опрокинула тарелку, и быстро вышла вслед за дворецким.

Оставшись наедине с собой, Риган задумчиво изучал шкафчики и столы, думал о том, что предстоит сделать в

самое ближайшее время. Разобраться с ключом: выяснить, кому он понадобился, разобраться с ними — по-хорошему или по-плохому, а после решить, как быть с новой знакомой. Увы, пока ей нельзя возвращаться к себе. Недружелюбные типы, прикопавшие рыжего, вряд ли простят Уваровой свое упущение. Даже если на них снизойдет благодать вселенского милосердия, полиция по головке не погладит, и сидеть ей в тюрьме за воровство. Хочешь-не хочешь, а придется где-нибудь затаиться.

Будучи *измененным*, Риган усвоил одну простую истину: проходит все, хотя сегодня может казаться, что мир рухнул и собрать его уже невозможно. Многое из случившегося способно тебя изменить, но не поломать. Жизнь продолжается, и в новом мире, на новом месте, рядом с новыми людьми тебе придется по частям собирать нового себя. Иногда бывает больно, но боль — всего лишь доказательство того, что ты все еще существуешь.

Века в тени человечества — наедине с силой, повышенными способностями к гипнозу и заживлению, долголетием и относительной неуязвимостью — сомнительное преимущество. Чтобы выжить, требовалось пить кровь, а ультрафиолет плохо сказывался на здоровье. Никаких тебе пляжей, курортов, коктейлей в шезлонгах, а девушки в бикини только по ночам или на картинках. Часа на солнце было достаточно, чтобы потом полдня лечить весьма болезненные ожоги, которые по сравнению с прочими ранами затягивались в ра-

зы медленнее. Никакого постоянства: переезды с места на место, разные страны, разные имена. Никакой известности — попытки заявить миру о себе предпринимались с начала времен, но всякий раз безжалостно подавлялись и заминались своими же.

В фольклоре измененных называли по-разному: акшары, стригои, носферату и вурдалаки. Правды в сказаниях было не так уж много, в основном досужие людские домыслы и страх, хотя некоторые измененные действительно не гнушались кровавых расправ или внушения. В последние годы про вампиров сочинили столько фантастики, что истина окончательно затерялась в бесчисленных сюжетах и версиях. Легенды переврали многое, на самом деле они были живыми, облик менять не могли, равно как и летать, нагонять туман и наращивать отрезанные конечности. На стоматологов тоже тратиться не приходилось: с зубами — вроде вырастающих острых клыков — проблем не возникало. Родиться измененным было невозможно: к дару вечности прилагалось бесплодие. Изменение, а по сути заражение человека, происходило вопреки расхожим мнениям не через укус, а только через кровь. Считалось, что процесс необратим, но несколько лет назад они получили тому опровержение неожиданным и жестоким образом: непонятно откуда взявшийся вирус *Чумы измененных* уничтожил практически всю расу. Немногочисленные выжившие лишились всех способностей, вот и ему теперь недолго осталось. Что такое тридцать, сорок, да даже

пятьдесят лет перед лицом принадлежавшей им вечности? Это как подразнить ребенка конфетой, а потом показать фигу.

Голова стала дурная и тяжелая — верный признак того, что пора спать. В такие мгновения Риган искренне сожалел о потере былой выносливости, но что прошло, того уже не вернуть. Поднявшись на второй этаж, он направился в гостевое крыло. Дверь в комнату была приоткрыта, но Уваровой там не оказалось, ее сумки тоже. Наверняка взяла с собой в душевую.

Риган улыбнулся, предвкушая завтрашнюю встречу: когда Уварова злилась, она становилась прехорошенькой. Разыгравшееся воображение рисовало картины одна непристойнее другой. Агнесса откровенно и бесстыдно выгибалась под ним в разных позах. Голубые глаза потемнели, кудрявые волосы разметались по подушкам. Хотел бы он посмотреть на нее после оргазма!

Риган не удержался и написал ей записку:

«Поскольку ты просила держать руки (и прочие части тела) от тебя подальше, мне остается лишь удалиться к себе в тяжких думах и глубокой печали. Пусть сны твои будут приятными в самом интимном смысле».

Оставив послание на ее подушках, Риган дошел до своей спальни. В кои-то веки здесь было чисто. Вся мебель на ме-

стах, кровать аккуратно застелена, гармония и умиротворение, только щебечущих птах и яблок не хватает. Из открытого окна тянуло прохладой, его снова знобило и манило в сторону бара — он не пил с тех пор, как отправился в Лондон, ирландский кофе не в счет. С мыслями о таком досадном упущении Риган быстро стянул с себя одежду, забрался под одеяло и забылся глубоким, крепким сном.

1 Ктулху (англ. Cthulhu) — мифическое божество. Подобен осьминогу, дракону и человеку.

Глава 3

В которой Агнесса понимает, что наглецы, хамы, сумасшедшие миллионеры и кровожадные маньяки обладают особой привлекательностью для эсенин: навык, полученный в процессе эволюции, чтобы проще было охотиться на невинных жертв.

Тишина за окном — вместо городского шума, под который она привыкла просыпаться. Подушка пахла свежестью, а не полевыми цветами, кровать несоизмеримо больше. Спросонья Агнесса пыталась понять, как оказалась в чужой постели. Она увидела сумку на прикроватной тумбочке, и воспоминания обрушились одно за другим. Как там сказал Эванс? Точка невозврата?

Для начала нужно позвонить в полицию.

Агнесса нащупала под подушкой цепочку, сжала подвеску в руке и облегченно вздохнула. Все будет хорошо. Ей поверят, возможно выпишут штраф, уволят с работы, но она справится. О том, что родители сейчас сходят с ума, она старалась не думать, как и о своем «спасителе». В его благородные мотивы Агнесса верила не больше чем в чушь, которую Эванс пытался ей скормить про древние цивилизации. Видимо, он представлял ее наивной душой и хотел, чтобы она считала его своим ангелом-хранителем. Подвеска стояла це-

лое состояние, которое в приступе сентиментальности дед Ригана подарил любовнице. Внук, видимо, пожелал вернуть фамильную драгоценность. Мог дожидаться аукциона и выкупить ее: судя по размерам и состоянию Эванс-Холла, он не бедствовал. Комната, в которой она ночевала, напоминала номер дорогого отеля — светло-голубые стены, яркие занавески, покрывала и обивка кушетки в тон, мягкий круглый ковер возле кровати — элегантно и со вкусом. Что ни говори, а алчность некоторых людей переходит любые границы.

Агнесса попыталась выкинуть его из головы, но вспомнила о поцелуе. Жесткие губы, напор и сила. В машине грубая ласка помогла успокоиться, но теперь она готова была убить Эванса за минутную слабость. Никто не вызывал в ней такую бурю чувств, ни один мужчина так сильно не выводил из себя. Чего только стоила его записка. Наглец! Перед сном ей захотелось отыскать его и сообщить, что сны будут точно не о нем, но вместо этого она скомкала бумажку и швырнула в угол. Эванс определенно не стоил того, чтобы вспоминать его грубый и убогий поцелуй.

Завтрак выгодно отличался от вчерашних пережаренных овощей, она наслаждалась яичницей с ароматным хрустящим беконом и крепким чаем с молоком. После Хартстридж любезно предложил Агнессе экскурсию по дому, и она со-

гласилась. Оказывается, Эванс-Холл был точной копией старого здания, построенного в начале восемнадцатого века. Мрачный и старинный, он напоминал дворцы-музеи. Казалось, вот-вот из-за угла вынырнет группа туристов. И ни одного телефона в таком огромном доме, подумать только! Словно современный мир остался за его стенами. Если бы не датчики дыма на потолках, огоньки сигнализации, и большая кухня, оборудованная по последнему слову техники, Агнесса решила бы, что перенеслась в прошлое. В другое время огромный ухоженный парк произвел бы на нее впечатление, но сейчас она была полностью погружена в свои мысли. Нужно избавиться от навязчивой «помощи» Эванса и срочно вернуть украшение.

После прогулки Хартстридж проводил ее в комнату и оставил одну. Обратиться в полицию не получится, значит придется спасаться самой. Поколебавшись, Агнесса решила оставить сумку, взять только подвеску и документы. Если кто-нибудь увидит ее на лестнице, в холле или в парке, подумает, что она просто вышла прогуляться. Спускаясь, она чувствовала себя странно. Будто и вправду была воровкой и беглянкой — озиралась по сторонам и прислушивалась к каждому шороху. Ее слегка потряхивало, а руки вспотели. Еще бы! Раньше ей не доводилось сбегать из дома безумного миллиардера, унося с собой бесценную для него вещь.

На середине лестницы Агнесса перегнулась через перила и посмотрела вниз. Никого. Облегченно вздохнув, она уско-

рила шаг. Приходилось нести туфли в руках, чтобы не стучали каблуки, а документы так и норовили выскочить из-под перехваченного ремешком платья и высыпаться к ногам. К счастью, обошлось. Она благополучно пересекла холл, вылетела к дверям и схватилась за ручку. Заперто!

— Могу я вам помочь?

Сердце ухнуло в пятки, а от пошлого визга Агнессу спасло только чувство собственного достоинства. Она обернулась и встретила взглядом с Джонатаном. Он нарисовался за ее спиной невесть откуда, совершенно бесшумно. Как кот, следивший мышь.

— Я собиралась прогуляться, — пришлось постараться, чтобы голос звучал бодро и уверенно.

— Разумеется, мисс, — Джонатан не смотрел на туфли в ее руке, — но мистер Эванс просил передать, чтобы вы не выходили из дома до разговора с ним.

«Мы уже достаточно наговорились», — угрюмо подумала Агнесса.

— Я что, пленница? — она гордо вздернула подбородок и с вызовом посмотрела ему в глаза. Он спокойно выдержал ее взгляд.

— Это всего лишь просьба.

— Значит, я могу уйти?

Агнесса не отводила взгляд, и Джонатан тоже.

«А вдруг они все здесь слегка того?»

Представить себе Джонатана, бросающегося на нее с

огромным разделочным ножом, было нелегко, но по книгам и фильмам Агнесса знала, что самые жестокие серийные убийцы скрываются за фасадами изобилия и благопристойности. Взять хотя бы «Американского психопата»¹. Лучше их не провоцировать.

Агнесса заставила себя отпустить ручку двери и шагнула назад.

— Я поднимусь к себе, — пробормотала она.

— Если вам что-нибудь понадобится, только скажите.

«Мне нужен телефон, чтобы позвонить в полицию!» — чуть было не закричала Агнесса, но только кивнула и поспешила наверх. Джонатан остался внизу или ушел — она не слышала. Слышала только, как гулко и глухо колотится сердце. Она ходила по комнате из угла в угол, пока не зарябило в глазах и не затошнило. Тогда Агнесса села на кровать, зажала руки между коленями и уставилась в одну точку. Можно было вылезти в окно, но она побоялась. Второй этаж здесь — как все три, а то и четыре. Вряд ли станет лучше, если она поломаёт руку или ногу, и по-прежнему останется во власти Эванса. Совсем как в «Мизери»².

Через час Джонатан снова постучал в её комнату и вручил чехлы с одеждой.

— Я взял на себя смелость подобрать для вас кое-что, мисс.

Агнесса скрестила руки на груди и покачала головой.

— Мне не нужна одежда, Джонатан.

— В таком случае я просто оставлю ее здесь, — он кивнул в сторону пустого платяного шкафа и внимательно посмотрел на нее. — Вы не станете возражать?

Агнесса подавила желание ответить: «Нет», — и пожала плечами. Какое ей дело.

— Эванс попросил вас об этом? — как можно безразличнее спросила она, хотя внутренне вся сжалась. Зачем ей привезли одежду? Они что, рассчитывают, что она задержится здесь надолго?!

— Нет, — управляющий не изменился в лице. — Я просто подумал, что вам будет приятно.

Агнесса судорожно сглотнула, ком в горле растворился. Джонатан старался ей помочь, а она вместо благодарности изображала мегеру. Управляющий Эванса с самого начала был на редкость учтив и внимателен, но ей мерещилось всякое, вплоть до нелепых кошмаров. Чувство благодарности согрело и немного успокоило.

— Не уверена, что надену это, но спасибо, — она неловко улыбнулась.

— Пожалуйста, мисс. Я всегда к вашим услугам.

После его ухода Агнесса некоторое время колебалась, но потом поддалась любопытству. Развернув чехлы, она обнаружила элегантное синее платье со скромным V-образным вырезом, две блузки кремового и светло-желтого цвета, и шоколадную юбку до колен. Словно она сама выбирала наряды, даже размер совпадал. К ним прилагались синие туфли

на невысоком каблуке и коричневые балетки. Посмотрев ценники, Агнесса почувствовала злорадное удовлетворение. Джонатан выбирал одежду, но платит наверняка Эванс.

Риган объявился к обеду, который правильнее было именовать полдником. Взъерошенный, с мокрыми после душа волосами, в чистой, выглаженной рубашке и брюках. Отдохнувший и посвежевший, он выглядел гораздо привлекательнее.

— Добрый день, Агнес, — Эванс произнес имя мягко и вкрадчиво, словно ночью между ними было нечто большее, чем поздний ужин и издевательская переписка. — Как спалось?

— Отлично, — с вызовом произнесла она. — Неужели надеялись, что после вашего послания я не засну?

— Без меня заснуть не проблема, — Эванс устроился на соседнем стуле, хотя мог выбрать любое место, подтянул к себе тарелку и приборы, — а вот со мной...

Эванс не договорил, оставив возможность додумать самой, а она невольно задержала взгляд на его губах, и ей стало отчаянно жарко. К счастью, в столовую вошли двое слуг, которые несли подносы с едой. Первые люди, кроме Джонатана и Эванса, которых Агнесса видела в этом огромном доме! Тут бы впору облегченно выдохнуть, но она была слиш-

ком напряжена. Риган же расслабленно откинулся на спинку стула и потянулся, закинул руки за голову.

— Жизнь гораздо лучше, когда отдохнешь, правда, Агнес? Это ночью все кошки серы.

Она поборола желание возразить из вредности. Он был прав. В свете нового дня все выглядело иначе, ближе к вечеру даже глупые страхи отступили, и к Агнессе вернулась ее рассудительность. Она бы посмеялась над собой и утренними мыслями, если бы не донельзя паршивое настроение. Эванс не собирался кромсать ее на кусочки, но и отпускать — тоже.

— Я успокоюсь, когда вернусь к своей обычной жизни.

— Это будет не так скоро, Солнышко. Кстати, тебе идут кудряшки.

Хуже комплимента не придумаешь! Свои кудри Агнесса ненавидела. После каждого мытья головы волосы завивались в тугие локоны, без утюжка и средств для укладки выглядели чудовищно. Пушистые волосы портили имидж, но сегодня пришлось смириться с тем, что она — пугало.

Прислуга вышла, а Эванс, как ни в чем не бывало, заметил:

— Сегодня я уничтожу подвеску.

Он так быстро перескакивал с одной темы на другую, что Агнесса даже не сразу поняла, о чем этот хам говорит. А когда поняла, подскочила на месте.

— Ни за что!

«Заполучить бесценное украшение, чтобы его уничтожить?!»

— Расскажи мне, — Эванс пропустил ее гневный выпад мимо ушей, — как и когда на тебя вышли, что говорили. Когда подвеска оказалась в твоём агентстве. Меня интересует все.

Она подавила раздражение, понимая, что спорить бесполезно. Пришлось рассказать Эвансу про телефонный звонок от американки, про угрозы, предложение огромных денег. Про то, когда она в последний раз слышала голос Майлза. Агнесса с трудом подбирала слова, чтобы говорить отстраненно, но выходило плохо. Когда она закончила, руки сильно дрожали.

— Понятно, что ничего не понятно, — Риган смотрел сквозь нее. Судя по сосредоточенному лицу, он задумался и забыл о том, что не один за столом.

— Я не позволю вам уничтожить подвеску!

— Хочешь, чтобы убили кого-нибудь еще? — он говорил спокойно, как если бы они беседовали о погоде или предстоящем походе в кино, даже в лице не поменялся, и Агнесе резко расхотелось есть. Она положила салфетку на стол и встала.

— Я уезжаю.

— Сядь, — его голос стал резче и злее. Взгляд светло-серых глаз был колючим и жестким. Если не сказать жестоким. Наконец-то он показал свое настоящее лицо!

Агнесса понимала, что играет с огнем, но призвала на помощь всю свою волю, чтобы ответить. Она не станет пасовать перед Эвансом! Кто он такой, чтобы ей приказывать?!

— Нет, — твердо возразила она. — Провожать не надо, у меня есть деньги на такси.

Он поднялся, оказавшись рядом с ней. Какое-то время просто молча смотрел — глаза в глаза, и у Агнессы по спине побежали мурашки, а сердце забилось сильнее. Было в нем что-то пугающее и будоражащее одновременно — непознанное, но от этого еще более притягательное.

— Типы, которые сейчас с ног сбились, чтобы тебя найти, шутить не будут. Подвеска окажется у них, а ты — в недружелюбном заведении под названием морг. Рыдающие родственники, траурные одежды, сопли до пола, все довольны и счастливы. Хочешь исправить свою жизнь таким образом, уходи.

Голос Эванса — резкий, холодный — разрушил наваждение, а когда он вернулся за стол, Агнесса вздохнула с облегчением: его близость мешала мыслить здраво. Что, если Эванс все-таки говорит правду? Если она сделает только хуже? Себе, близким, Роберту?

— Симпатичное декольте. На мой вкус скромное, без блузки было бы лучше.

Он скользнул по ее губам и груди оценивающим взглядом, вновь сбивая с мыслей. Да он же... дразнит ее! Должно быть, привык общаться с женщинами, которые падают к его ногам,

но она не собирается пополнять их ряды.

— Без блузки я появляюсь только перед теми, кто мне нравится, — Агнесса оперлась руками о стол. — Как мне поможет то, что ты уничтожишь подвеску?

Он выразительно заглянул в вырез, Агнессу обжег его взгляд, и она отпрянула.

— Тебе помогут новые документы и билет в Рио, Солнышко. Ну или на Кубу. Ты была на родине Фиделя?

— На... Кубу?!

— Ну да. Пересидишь там, пока я разберусь с этой небольшой проблемой. Чтобы не путаться под ногами.

Агнесса поперхнулась, закашлялась и пулей вылетела из столовой. В своей роскошной темнице она опустилась на кушетку и обхватила себя руками. Только сейчас Агнесса начинала понимать, насколько бессильна перед ним. Эванс свихнулся и чудит, издевается над ней в свойственной ему мерзкой манере. Отправиться на Кубу?! Она хотела домой, в Лондон, где осталась ее настоящая жизнь. Родные, работа — все, что ей дорого он решил перечеркнуть просто потому, что ему взбрело это в голову! Агнесса обвела спальню тоскливым взглядом. Роскошь повсюду. О такой комнате мечтает каждая женщина, но ей куда больше нравилась скромная ухоженная квартира, а не замок, похожий на тюрьму.

Даже если предположить, что все его слова — правда, решать за себя она не позволит. Мысли метались одна за другой, как мыши перед довольным котом. Эванс хочет уничто-

жить подвеску, он сам в этом признался. Уничтожить, продать, похоронить в семейном склепе или запереть в сейфе — какая ей разница! Если она отдаст ее, вернуться и во всем признаться полиции не получится. Спрятать тоже нелегко, Эванс наверняка знает этот дом, как свои пять пальцев. Агнесса колебалась, но потом достала из сумки цепочку, на которой подвеска соседствовала с подарком Джона — изящной золотой бабочкой, и надела на шею. Если Эванс захочет забрать украшение, ему придется оторвать ей голову.

— Мне нужна подвеска, Агнес.

Эванс прошел в комнату, остановился рядом с ней и протянул руку. Она рассчитывала, что он заявится раньше и десятки раз представляла себе этот разговор, из которого выходила победительницей. Увы, ожидание слишком затянулось, и за несколько часов от былой решимости не осталось и следа, поэтому сейчас Агнесса невольно подалась назад и замотала головой.

— Это значит «нет»? — насмешливо произнес он, наклонился и оперся руками о кушетку, по обе стороны от нее.

В горле пересохло, а под завораживающим взглядом стальных глаз сердце забилося сильнее. Его уверенность безумно раздражала. Он привык получать все что хочет, но

она не собиралась сдаваться без боя.

— Я ее не отдам! — Агнесса вздернула подбородок и дерзко, с вызовом, посмотрела ему в глаза.

Вместо ответа Эванс коснулся пальцами ее шеи, медленно прочертил ими дорожку до ключицы. Агнесса затаила дыхание, не в силах избежать прикосновения, а Эванс перехватил цепочку и потянул наверх. Он держал в ладони подвеску вместе с ее украшением, почти касаясь губами ее губ. Жесткий напор и терпкий вкус — горький кофе и виски. Слишком близко, слишком откровенно. Что он с ней делает? Она отказывала и более привлекательным мужчинам, но сейчас просто предавала саму себя.

— А говорила — не отдашь.

Она моргнула от удивления. Его и впрямь волновала только эта проклятая вещь! Злость и разочарование слились с мерзким привкусом унижения.

— Ты играешь нечестно, — прошипела она, ухватила цепочку и потянула на себя.

Он разжал ладонь и ослепительно улыбнулся.

— Повторим?

Стоило ему коснуться ее шеи — и Агнесса отпрянула, как ужаленная. Проворно отползла на кровать и спрыгнула с нее. Ей не понравился его взгляд: прищур охотника, заметившего дичь. Причем не человека, а хищника. Эванс улыбнулся уголками губ, и на мгновение ей показалось, что он сейчас прыгнет и окажется рядом.

— Я не отдам подвеску! — упрямо повторила она, убеждая скорее себя, чем его.

— Хорошо.

— Хорошо?!

— Я никуда не спешу, — Эванс устроился на постели поверх покрывала, закинул руки за голову и подмигнул. От такой выходки Агнесса потеряла дар речи.

— Уходи! — она решительно указала ему на дверь.

— Хорошенькие дела. Это мой дом, Солнышко.

— Тогда уйду я!

Она направилась к двери, не сводя с него настороженного взгляда, Эванс же прикрыл глаза и напевал что-то себе под нос. Стоило ей отвлечься, он перехватил ее и развернул лицом к себе, с силой прижал к стене. Такие выходки пугали до чертиков, но еще больше беспокоил его взгляд — яростный и сумасбродный.

Агнесса не успела и слова сказать, а Эванс уже снова целовал ее. Проникновенно, глубоко и настойчиво. Она открыла рот, невольно подчиняясь, по телу прошла приятная дрожь. Губы горели, воздуха в легких не хватало, словно она пробежала спринт. Агнесса жадно отвечала на поцелуй, а Эванс расстегивал на ней блузку. Отрезвил собственный приглушенный стон, когда он коснулся пальцами чувствительного местечка в ложбинке между грудей. Она собрала остатки сил и оттолкнула его. Ожидала увидеть в серых глазах привычную насмешку, но вместо этого наткнулась на об-

жигающий опасный холод. Оторвать голову, чтобы забрать подвеску? Легко.

— Тебе помочь с застежкой?

Агнесса судорожно сглотнула. Кажется, она только что перешла черту и выбора у нее не осталось.

— Нет!

Хотелось как можно скорее избавиться от Эванса, от наваждения, вызванного его близостью и от страшного человека, который временами выглядывал из-под его фривольной маски. Ругая себя за трусость, она завела руки назад, быстро расстегнула застежку и протянула цепочку ему.

— Доволен?

Вместо ответа он перехватил подвеску и сжал ее пальцы — на краткий миг, но этого хватило, чтобы вжаться в стену и отдернуть руку. Не хватало еще, чтобы из-за дурацкого украшения ее изнасиловали. Внутренний голос ехидно подсказал, что такого «насилия» она хотела, и Агнессу затопило отвращение к себе. Она отвернулась и уставилась в окно.

— Правило выживания номер три, Агнес. Из дома без меня ни на шаг.

Эванс вышел и даже не потрудился прикрыть дверь, унося с собой ее спасение. Ему все равно, что в этом кусочке металла сосредоточились все ее надежды. Ему наплевать на нее, как и на любую другую, а их наверняка было множество. Хотя какое ей дело? Он не в ее вкусе: самонадеянный и бесстыжий! Неужели недолгое воздержание сыграло с ней дур-

ную шутку, и ей все равно под каким мужчиной растекаться, словно желе?! Никогда раньше она не боролась между желанием ударить посильнее и целовать до потери сознания.

Агнесса глубоко вздохнула, застегнула блузку на все пуговицы и подошла к окну. Эванс уехал сразу, как только его машина скрылась из виду, она поспешила вниз. Настало время нарушить правила и узнать правду. На Джонатана рассчитывать не приходилось, тот явно был заодно со своим нанимателем. К счастью, в доме есть еще прислуга.

Как ни странно, управляющий ей больше не попадался, но момент был упущен. Бежать в ночь на пустую дорогу ничем не лучше, чем остаться здесь. Не сразу, но она нашла горничную, которая убиралась в кабинете Эванса. Чувствуя себя на редкость глупо, Агнесса попросила показать телефон.

— Здесь нет телефонов, мисс. Вы разве не знаете? — невысокая темноволосая женщина удивленно смотрела на нее.

Это не замок, а первобытная пещера. И методы у ее хозяйина приблизительно такие же, как и у его далеких предков.

— Вы можете одолжить мне мобильный? — притворяться не пришлось, в ее голосе звучала искренняя мольба. — На пару минут, мне надо срочно позвонить родным, а мой сломался.

«Потому что кое-кто выкинул его на дорогу».

К счастью, горничная не отказала. От долгожданного звонка в полицию отделяли несколько мгновений, но слова

Эванса не шли из головы: «Хочешь, чтобы убили кого-нибудь еще?» — нет, Агнесса этого искренне не хотела. Оставшись наедине, она поколебалась, а затем все-таки набрала номер Риты. Сестра могла рассказать больше, чем взволнованные родители.

Несмотря на незнакомый номер, та сразу схватила трубку. Едва услышав ее голос, перебила и затараторила:

— Кудряшка, я уже по потолку бегаю! Ко мне приходила полиция, несла какой-то бред про то что ты обокрала свою контору...

— Это правда, — выдохнула Агнесса, воспользовавшись короткой паузой — иначе ей не дали бы и слова сказать. — Пришлось. Мне угрожали.

В трубке повисло молчание, и Агнесса затаила дыхание, с ужасом ожидая приговора.

— Ох, — сестра и замялась, подбирая слова, — и... что произошло с Майлзом? Его нашли в ванной с перерезанными венами, а рядом записку, в которой он просил во всем винить тебя.

У Агнессы закружилась голова, подкосились ноги, и она опустилась в кресло. Она не могла представить вежливого и застенчивого Бена мертвым. Над ним учинили жестокую расправу, и все из-за подвески. Эванс не солгал.

— Рит, я не убивала его, — зашептала Агнесса. — Если бы не... один мужчина, меня бы тоже убили.

— Совсем сдурела?! Я бы в жизни такое не подумала, —

та понизила голос до шепота. — Что за мужчина? Ему можно доверять? Ты в безопасности?

«Хотела бы я это знать».

— Риган Эванс. Я в порядке.

— Тот богатей?!

Рита всегда отличалась наблюдательностью там, где дело касалось личной жизни Агнессы. Даже имя запомнила.

— Да, это он.

— Что он говорит?

— Что эти типы не перед чем не остановятся, и что следующими будете вы.

— Господи.

— Он хочет отправить меня на Кубу, пока все не уляжется, но... Ритка, я же не преступница!

— Кудряшка, это не телефонный разговор. Мужики в таких делах всяко понимают больше нас. Особенно миллиардеры, иначе у них не было бы их миллиардов. Если говорит уезжать — уезжай, а я что-нибудь придумаю и успокою твоих стариков.

— А что сказал бы Пит по этому поводу?

— Что он со мной разводится. После таких-то советов.

Как это похоже на Риту! Сидит в своей гостиной и сыплет шуточками, хотя от волнения места себе не находит. А где-то рядом с ней близнецы и Пит... Нужно было заканчивать разговор, но она не могла. Понимала, что еще долго не услышит родных, и это разрывало ей сердце.

— Передай, что я их очень люблю, — голос дрогнул, Агнесса поспешно добавила, — и позвоню сама, когда все наладится. Мне пора.

Она нажала отбой, не прощаясь, и несколько мгновений молча смотрела на дисплей. Позвонить в полицию, во всем сознаться, а дальше пусть Эванс разбирается с неприятностями? Он разрушил ее жизнь, и... он же спас ее: вырвал из лап шантажистов, спрятал в своем доме. Вот и сестра говорит, что на него можно положиться. Не окажется он тогда в Ричмонд-парке, ее родителям и Рите полиция принесла бы еще более страшные новости. Мог ведь просто забрать подвеску, а ее вышвырнуть на улицу, но не сделал этого.

Агнесса вернула телефон горничной и поплелась к лестнице. Нужно отыскать Джонатана и спросить, когда вернется Эванс. Рассказать ему о том, что она позвонила Рите. Разумеется, в этом нет ничего страшного, но если сразу признаться, спокойнее будет спать.

Из холла донесся звонкий переливчатый смех, Агнесса замешкалась, но все же вышла из коридора. Высокая стройная женщина сняла элегантный зеленый плащ и протянула его управляющему. Ее гладкие рыжие волосы струились по плечам, как у модели в рекламе шампуня. Джонатан стоял рядом с видом человека, исполняющего свои прямые обязанности, которые внезапно стали ему в тягость.

— Ригана сложно заставить, — простые слова в устах незнакомки прозвучали, как приглашение к чему-то возбуждаю-

ще-откровенному. Женщина повернулась к ней, и Агнесса ойкнула. Пухлые, красиво очерченные губы, соблазнительный взгляд серо-зеленых глаз: мужчины по всему миру сходили от нее с ума. Агнесса могла ждать чего угодно, только не появления в Эванс-Холле секс-символа Великобритании — Лорин Бейл.

1 «Американский психопат» (англ. *American Psycho*) — роман Брета Истона Эллиса (и одноименный фильм), в котором маньяк-убийца скрывается под личиной успешного бизнесмена.

2 «Мизери» (англ. *Misery*) — роман Стивена Кинга (и одноименный фильм), в котором рассказывается про отношения популярного писателя Пола Шелдона и его поклонницы Энни Уилкс. Пол попадает в автоаварию, и бывшая медсестра Энни привозит его к себе домой. Вскоре герой понимает, что он узник безумной женщины и вынужден потакать ее прихотям.

Глава 4

В которой Риган осознал, что перед тайнами этого мира наивен, как свежесвылупившийся птенец.

Весь вечер и часть ночи Риган провел в подпольной лаборатории неподалеку от Ньюкасла, у старого знакомого. Высокий, светловолосый и сосредоточенный, в белом халате поверх делового костюма, Гарри Хитер больше напоминал биржевого брокера или юриста, чем ученого. Он колупался с реактивами и аппаратами, а Риган сидел на высоком стуле, пил пиво и крутил в руках какую-то колбу с зеленым содержимым. Она напоминала ядреную шипучку или энергетик — из тех, что в свободном доступе продается в любом супермаркете. Когда Риган попытался потрясти жидкость, Гарри с необычной для человека прытью преодолел разделяющее их расстояние и осторожно вернул сосуд на место.

— Риган, руки! Что ты мне приволок?

— Ты у нас спец, Гарри, ты мне и скажи.

Тот искривил пухлые губы, как если бы тренировался в практике клоунады без грима.

— Металл Дюпона я изучил вдоль и поперек, но подвеска состоит из него лишь отчасти. Это сплав, и достаточно необычный. Я понятия не имею, что это такое.

— О как. Ладно, спасибо.

— Было бы за что.

Риган хлопнул руками по коленям и спрыгнул со стула. Время и без того было позднее, а может, слишком раннее, но сидеть тут дольше не имело никакого смысла. Штукови-на оказалась с еще большим секретом, чем он предполагал. Знал бы он, когда говорил Уваровой про «неведому фигню», что слова окажутся пророческими. Избавляться от подвески сразу он не собирался, но руки так и чесались: слишком много зла она принесла в прошлом. Тем не менее для начала нужно выяснить, кому и зачем она понадобилась. Хотелось наивно верить в то, что какого-то чокнутого коллекционера просто заинтересовал непонятный кругляшок, но простодушие Ригана скончалось душной летней ночью на кладбище в Женвилье.

По дороге в Эванс-Холл Риган то и дело посматривал на лежащую на соседнем сиденье подвеску. Она едва уловимо поблескивала, когда в салон брызгал свет фонарей. Почему-то именно сейчас ржавчина воспоминаний разъедала реальность. Словно наваждение, воскресали немногочисленные огни Женвилье начала двадцатого века, профиль Ив, склоняющейся над картами, выбившаяся из прически прядь волос на плече и ее улыбка — чистая, искренняя и светлая. То, что казалось давно погребенным под пылью десятилетий, снова оказалось на удивление живо.

Он слишком давно не напивался! Пиво обладает хорошим мочегонным эффектом, но толку от него никакого. Не то

что виски. В жизни измененного виски был яркой терпкой приправой к крови. Благодаря отменному обмену веществ, он выводился из организма практически сразу, и чтобы хоть чуток опьянеть, приходилось заливать в себя несколько бутылок подряд. Что, признаться, выглядело безобразно, стоило неразумно дорого, а выветривалось слишком быстро. Вернувшись к тому, от чего ушел, а именно — к бытию человека, Риган разом вспомнил все прелести алкогольного опьянения и похмелья. Впрочем, его это не останавливало.

В Эванс-Холле ждал приятный сюрприз. Джонатан сообщил об этом чересчур мрачно: с некоторых пор их отношения с Конфеткой не задались, и причиной тому стал забавный конфуз. Неумная сексуальность Лорин — отличительная черта *чувствующих* — сыграла злую шутку. Чувствующие произошли от измененных, этакий своеобразный подвид. Однажды — во втором тысячелетии нашей эры, на Гаити, заражение не убило женщину, но и не изменило. Так появилась первая из их расы. Ей не нужна была кровь, она не боялась солнца, и жизнь ее оказалась немногим больше человеческой — около двухсот лет. Удивительная способность чувствовать энергии мира и забирать их у живых существ — стала залогом долгой молодости. Проще, да и незаметнее всего было питаться во время секса, поэтому искусство соблазнения они постигали с юных лет. Подобно тому, как сила измененных возрастала от века к веку, чувствующие расцветали от поколения к поколению: чувствующей проще было

родиться, чем стать. Они могли выносить и родить ребенка, передать свой дар по наследству, тогда как случаи «неправильного изменения» можно было перечесть по пальцам. И Лорин вошла в их число. Ее никто не учил управлять своим даром, контролировать голод, и однажды она просто-напросто сорвалась.

Риган к тому времени уже лишился способностей, а вот чувствующих Чума обошла стороной: вирус, убивающий измененных, им вреда не причинял. Совладать с ней не представлялось возможным, поэтому Хартстриджу пришлось спасать свою честь, хозяина, и обращаться в эротическую скорую помощь, читай приглашать Лорин мальчиков по вызову. Как оказалось, он до сих пор ей этого не простил.

— Я предложил мисс Бейл другую гостевую комнату, — та, в которой обычно останавливалась Лорин, была занята Уваровой, — но она отказалась. И устроилась в вашей.

У Джонатана было выражение лица человека, съевшего протухший лимон.

— Все в порядке. Я разберусь.

Чувствующая спала в его кровати, завернувшись в покрывало. Рыжие вихры разметались по подушке, свет непогашенной лампы заливал ее волосы медью. Окно было плотно закрыто. Конфетка до безумия любила тепло, а промозглую сырость и холод терпеть не могла. Еще она любила спать обнаженной, экстрим и измененных: от них веяло опасностью и можно было брать несравнимо больше сил, чем от людей.

Когда они только познакомились, Лорин могла не опасаться, что довольная и счастливая очнется рядом с его холодным телом. В настоящем многое изменилось, но кое-что осталось прежним. Взаимное притяжение.

Их с Лорин общение всегда строилось в стиле секса по дружбе. В свое время они опробовали все возможные поверхности: вертикальные, горизонтальные и наклонные, от встречи к встрече страсть не утихала. Можно было бы списать сей факт на счет природной сексуальности чувствующей, но Риган придерживался мнения, что они просто нашли друг друга в безоглядной любви к сексу без обязательств и в неугасающем интересе к противоположному полу.

Последний раз они виделись весной, на Лазурном берегу в Ницце, где у чувствующей была своя вилла. Это место Лорин облюбовала еще в самом начале модельно-актерской карьеры, когда ее имя мало кто знал. В настоящем на узких улочках и под воротами дома дежурили жадные до горячего папарацци. Благодаря ей Риган светился на обложках желтой прессы гораздо чаще, чем хотел бы.

Его называли затворником и эксцентричным чудаком. Несколько совсем отчаянных репортеров даже пытались встретиться и взять у него интервью, чтобы прояснить, что их связывает на самом деле. Первых двоих он послал вежливо, третьего — не очень. Ригану было плевать на дурную славу, а чувствующей тем более. Ей приписывали романы

с состоятельными людьми, некоторые из которых имели достаточно громкие имена.

Он устроился на краю кровати, откинул одеяло и провел пальцами по ее плечу, повторяя изгиб: светлая кожа казалась совсем тонкой. Конфетка потянулась и открыла глаза.

— Я жаждалась, — прошептала она и медленно перевернулась на спину. Одеяло скользнуло вниз, открывая грудь. Даже будучи сонной, Лорин оставалась сама чувственность. Она прекрасно знала, как влияет на мужчин, и совершенно не стеснялась использовать свои чары. Ригану мгновенно стало не до размышлений или ответных слов. Склонившись над ней, он поцеловал тонкую ниточку пульса, бьющуюся на шее. Изучая каждый изгиб ее тела, наслаждаясь каждой откровенной лаской, он заводился все больше. Голова кружилась от вожделения, по телу шел жар. Она выгибалась от наслаждения, когда он вошел в нее. Риган сходил с ума от желания, даже обладая ей, даже когда реальность плыла перед глазами, а ее грудные стоны становились все чаще и громче.

Приходили в себя они на мокрых от пота простынях. Длинные волосы Лорин разметались по подушкам, и Риган не отказал себе в удовольствии накрутить прядь на палец, разглядывая ее. Изящные брови, тонкие черты лица, светлая кожа почти без веснушек, небольшая упругая грудь. Он мог с закрытыми глазами отыскать каждую родинку на ее теле и знал о ней больше, чем о ком бы то ни было из своих женщин. Все это ничего не значило на расстоянии — аккуратно до

того момента, как они встречались снова.

— Ты так по мне соскучился? — она провела пальцами по его груди.

— Поверишь, если я скажу, что целый месяц предавался целомудрию и воздержанию?

— Нет, — Лорин игриво оттолкнула его и поднялась. — Ты и целомудрие — несовместимые вещи.

— Никто не верил в мои благие намерения, поэтому я вырос хулиганом.

Риган приподнялся на локте, глядя ей вслед. В каждом движении чувствующей сквозил призыв к продолжению, поэтому он счел разумным позволить Лорин принять душ одной. Голова до сих пор кружилась, есть хотелось зверски. Поправить положение мог разве что питательный поздний ужин или ранний завтрак, отнюдь не из овощей, но тащиться вниз не было ни сил, ни желания. Риган уткнулся носом в подушку с мыслью полежать так минуты две. И проснулся далеко за полдень, чувствуя себя до безумия голодным.

Женщины — странное племя. Они всегда найдут общие темы, даже если говорят на разных языках. Смех Риган услышал, как только вышел на центральную лестницу. Низкий, грудной — Лорин, и мелодичный, полный искреннего веселья — Агнессы. Дамы расположились в большой гостиной

на первом этаже и что-то обсуждали.

Увидев его, Уварова мгновенно притихла и изменилась в лице. Теперь уже Ригану впору было чувствовать себя строгим учителем, заставшим воспитанниц за непристойными разговорами. Вторая «ученица», к его вящему удовольствию, ничуть не смутилась. Лорин полулежала на диване и соблазнительно потянулась, лишь только их взгляды встретились.

— Добрый день, и да будет он таким до последней минуты, — Риган присел на подлокотник дивана, — прекрасно выглядите, леди. О чем такой жаркий спор?

— О мужчинах, — хитро прищурилась Лорин. — Погоду и моду мы обсудили вчера, когда ты улизнул из Эванс-Холла.

Агнесса поперхнулась и закашлялась. Ее щеки покраснели, а его взгляда она избегала.

— Приятно, что тема погоды и моды настолько вас привлекает, — он приподнял брови. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что они обсуждали. Точнее, кого.

— Мы можем поговорить? — поспешно спросила Уварова и перевела извиняющийся взгляд на Конфетку. — Наедине.

— Ты меня опередила, — чувствующая томно улыбнулась. — Оставляю вас одних, не шалите. Отыщу Джонатана и спрошу, что у нас на обед.

Когда Лорин исчезла за дверью, Агнесса поймала взгляд Ригана, подскочила и судорожно сцепила пальцы. В голубых

глазах читалась решимость: похоже, на нее снизошло озарение того, насколько все серьезно.

— Ты уничтожил подвеску? — в голосе не осталось неприязненных ноток или укора. Угадал, значит.

— Вчера, — легко солгал он. Уваровой не стоило знать, что сей бесценный экспонат в огне не горит и в воде не тонет. Спокойнее будет спать где-нибудь в Рио. Или на Кубе.

— Я должна поблагодарить тебя за помощь, — она отвела взгляд.

— Я уж думал не дождусь. Благодари! — Риган улыбнулся уголком губ.

Уварова непонимающе посмотрела на него и замялась.

— Спасибо, что не оставил меня на растерзание, — проворчала она. — И что позволил остаться у себя.

— Этот дом — настоящий приют для заблудших душ, которых потрепали суровые жизненные обстоятельства. Кого здесь только не было, — он махнул рукой и приблизился к ней вплотную. — Но все-таки, что насчет благодарности?

Агнессе пришлось поднять голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Моих слов тебе недостаточно?

Пышная грудь часто вздымалась, и Ригана с головой накрыло возбуждение: как и в машине, когда он целовал ее на полной скорости. Или как вчера, когда забирал подвеску. Чуть-чуть переиграл, а потом пришлось принимать холодный душ, чтобы справиться с желанием.

Уварова неосознанно облизнула пересохшие губы, и Риган ненадолго прикрыл глаза. Что в ней такого, чего не хватало в других? В его жизни было слишком много женщин — неприступных гордачек и доступных красоток, простушек и аристократок, волнующих и будоражащих. Со временем он настолько пресытился сексом и вниманием дам, что чувственная сторона жизни превратилась для него в обыденность. За последние пару лет — не считая встреч с Лорин — он не мог вспомнить ни одной, которая бы действовала на него подобным образом.

Наклонившись к самому ее уху, почти касаясь губами мочки, Риган едва слышно произнес:

— Сама подумай.

Уварова хотела что-то сказать, но он приложил палец к ее губам: оставаться рядом и вести светские беседы становилось совершенно невыносимо. Беззаботно улыбнувшись, он обошел ее и направился к столовой. Несмотря на зверский голод, от невинной беседы фантазия снова разыгралась не на шутку.

После обеда они с Лорин уединились в кабинете: чувствующая расположилась в мягком кресле, а Риган устроился напротив, вооружившись бутылкой виски, бокалом и вазочкой со льдом. По телу разливалось приятное тепло крепкого за-

бытья, и все проблемы казались далекими и несущественными. Про себя он решил ограничиться парой стаканов. Ну, может быть, тремя, не больше.

— Меня ограбили. Перевернули все вверх дном, но забрали только твой подарок. Любая моя драгоценность стоит намного больше той симпатичной штучки, и я подумала, что тебе это будет интересно.

Ему было интересно. Более чем. В свое время он вручил ей вторую часть проклятого ключа. Массивная круглая пластина с тонким геометрическим узором по краям и отверстием в центре напоминала авторскую бижутерию под старину, не имеющую особой ценности. В связи с тем, что закрутилось вокруг подвески, считать пропажу Лорин совпадением было бы глупо.

— А подробнее?

Новость, которую она привезла, стала очередным неприятным сюрпризом, и Риган хотел услышать о произошедшем ее устами. Возможно, это отчасти прояснит картину. Желющие заполучить подвеску, несмотря на грязную работу, подчищали за собой слишком шустро. По своим каналам в полиции он попросил пробить номера типа, что следил за Уваровой. И неприметный, и его подельники оказались уголовниками мелкого пошиба, родом из Брайтона. Шайка подрабатывала запугиванием и избиениями, а когда дело запахло жареным, перебралась в Лондон в полном составе. Прошлой ночью их машина перевернулась на трассе: на фотографиях

искореженное авто напоминало смятую консервную банку, будто ее зажало между двумя фурами и придавило третьей. Расследование закончилось не начавшись.

— Она была для меня талисманом. Стащили ее прямо из трейлера, в разгар рабочего дня. Возможно, это просто дело рук какого-то фаната, и штучку скоро выставят на подпольном аукционе.

— Если бы, — Риган покрутил бокал в руках и сделал большой глоток, — прелестная мисс Уварова заявила ко мне с просьбой рассказать вот об этом...

Он достал из кармана подвеску и показал Лорин.

— Это — первая часть ключа, который в прошлом открыл Ордену путь к металлу Дюпона. Вторая была у тебя.

Орден начинался с группы энтузиастов, которым не повезло столкнуться с измененными не с самой хорошей стороны. Этаким отпор человечества «тварям ночи». Со временем он разросся, и численности его филиалов мог позавидовать даже Макдональдс. Считалось, что вирус, уничтоживший измененных, тоже разработка Ордена, но кто на самом деле устроил геноцид, так и осталось тайной. Все произошло в считанные месяцы: только что в распоряжении измененных была вечность — и вот уже большинство остывают в братских могилах, а счастливики радуются возможности пожить еще чуть-чуть. До Ригана доходили слухи, что многие из выживших расплачиваются за столетия украденной жизни то внезапно отказавшими почками, то помутнением

рассудка, то остановкой сердца, то инсультом. В любом случае тем, кого не выкосила Чума, оставалось влачить бременное человеческое существование не так долго: жалкие лет пятьдесят по меркам теневой расы — ерунда.

Металл Дюпона был широко распространен в теневом мире, но неизвестен среди обычных людей. Смертельно опасный для измененных и загадочным образом оберегающий человека от их внушения. Рядом с ним измененные слабели, теряли способность быстро восстанавливаться после ранений, даже самая малейшая царапина от него шла болезненными язвами, которые было нелегко залечить. Из металла Дюпона отливались пули, которые ценились на вес золота, холодное оружие и всякие аксессуары вроде невинных наручных часов, которые орденцы цепляли на себя в качестве защиты. Измененные теперь — не опаснее прочих людей. Так кому и зачем понадобился ключ к Древнему Городу, некогда под завязку заполненному смертоносным металлом?

Риган сделал пару глотков и оттолкнул от себя бокал, от греха подальше. Тот проехал по полированной поверхности и лишь чудом замер на самом краю. Виски и расслабиться — самое то, виски и подумать — уже не вариант.

— Когда ты надевала ее в последний раз?

Лорин задумалась. По лицу Конфетки Риган понял, что чувствующая не в восторге от его откровений: вся эта история нравилась ей не больше, чем ему.

— Не помню даже. Ты же знаешь — она душила мою силу,

а я терпеть этого не могу.

И то правда. В свое время украшение служило ей оберегом — некоторые измененные обожали лакомиться чувствующими по той же причине, что и чувствующие тянулись к ним — можно было растянуть удовольствие, не то что с хрупкими человечками. Лорин приняла подарок, но пользовалась им редко.

Украшение увели из трейлера во время съемок, кто именно — уже не узнать. В группе тусовалось много стороннего народа. Статисты, гримеры, журналисты. Да мало ли кто за отдельную плату мог наведаться к ней, чтобы стащить половину злосчастного ключа. А вот то, что Конфетка давно его не надевала — отдельная подковырка.

Откуда знали, что она всюду возит ее с собой? Здесь все очевидно: за ней постоянно бегали толпы мужчин — одни с камерами, другие — размахивая трусами, как сигнальными флажками. Найти иголку в стоге сена невозможно. Разумеется, за чувствующей вполне могли следить: Лорин привыкла к неизменному шлейфу фотографов и поклонников. Каждый из ее любовников мог оказаться рядом не просто так.

— В апреле! На открытии арт-галереи в Стокгольме. Тогда мне показалось, что он неплохо сочетается с голубым платьем. Мои фотографии мелькали в журналах еще с месяц, — она подалась вперед и положила локти на стол. — Агнесса милая. Ты еще не затащил ее в постель, ведь так?

Женщины! Он ей об опасных древностях, а она — о дру-

гой.

— Ревнуешь, Конфетка? — Риган погладил Лорин по запястью.

— Не дождешься, — она рассмеялась. — Девочка в твоём вкусе, и не так равнодушна к тебе, как старается показать.

— Ко мне нельзя оставаться равнодушной, — Риган перегнулся через стол и заключил её лицо в ладони. Виски разгулялся по крови, смешивая мысли о подвеске с терпкой, будоражащей сексуальностью чувствующей. Ему хотелось разложить Лорин прямо на столе и запить оргазм «Джемисоном», на последнемestone и до последней капли.

— Я не смогла, — Лорин коснулась его губ быстрым дразнящим поцелуем. Чувствующая уж точно не была к нему равнодушной — её возбуждение он ловил, как свое. — Но ты за ней ещё побегаешь.

Риган оборвал их ведущий в никуда разговор глубоким поцелуем, поднялся, подхватил её под бедра и опрокинул на стол. Заниматься сексом в рабочей обстановке — неудобно, но вся прелесть заключалась в том, что в его кабинете стол не был рабочим. Реальность разорвалась ярким, бешеным сексом, а вернулась привкусом крепкого алкоголя на губах и горячим дыханием Лорин на покрытой каплями пота груди.

Озарение пришло внезапно, и Эванс, оглушенный своей догадкой, расхохотался. Долгие годы ключ, который хранился у него, был потерян и для Ордена, и для прочих. А после разошелся по разным странам. Риган вспомнил, как про-

тягивал подвеску Аннабель, и как она, опустошенная внушением, быстро выбежала из кафе. Вторая часть несколько лет назад оказалась на виду, но забирать его у Лорин, пока не найден второй элемент, было опасно. К чему лишний раз привлекать внимание к тому, что стремишься заполучить в личное пользование? Аннабель Рени решила избавиться от старинной безделушки, и загадочная мисс или миссис Х дождалась своего часа.

— Что тебя так насмешило? — Лорин приподнялась над ним и заглянула в лицо.

Хотел бы он знать, что именно. То, что все ниточки стягиваются к ключу, некогда погасившему свет его жизни, или же то, что он по доброй воле ввязался в новую историю с ним и продолжается тянуться к прошлому, как к проклятому и замороженному, будь оно трижды неладно! Нет, признаваться в этом Лорин он точно не был готов: ни в первом, ни во втором.

— Пусть она побудет у тебя, — Эванс вложил подвеску в ее руку, и добавил, предупреждая возможные возражения, — я отлучусь на несколько часов.

Лорин скептически фыркнула и забрала вещицу.

— Я так понимаю, выкинуть ее нельзя?

— К сожалению.

Они распрощались до вечера, и Риган отправился заниматься делами насущными, то есть разбираться с путями отступления для Уваровой. Когда он пришел к ней за докумен-

тами, она только вернулась с пробежки: Джонатан уже раздобыл ей спортивный костюм и кроссовки. Они вообще на удивление быстро подружились — и это при том, что Харт-стридж никому не оказывал исключительных знаков внимания. Чудеса да и только!

Связи приходили с годами: ходы-выходы, пути отступления, варианты устройства на новом месте, все по отработанной схеме. Документы сделали за пару часов, и Риган понимал, что короткий отрезок их с Уваровой совместного приключения подошел к концу. У нее появилось другое имя, другая жизнь, и пока непонятно, насколько все это затянется. Хотелось бы верить, что она справится и не выдаст себя. Измененные, которые регулярно сбрасывали кожу, меняли маски и времена, в переездах и постоянных начинаниях с нуля не видели ничего необычного, но для простой женщины, у которой работа, фитнес и семья по графику — такое из ряда вон. Теперь все зависит только от нее, но будет жаль, если дамочку найдут и прикопают. Риган не отказался бы провести с ней пару недель на Кубе, когда все закончится.

На подъездной дорожке Эванс-Холла стоял еще один автомобиль. Риган, знающий толк в машинах, сразу оценил размах. «Роллс-Ройс Фантом» — дорогая колымага весьма старомодного вида. О ее владельце навскидку можно было

сказать, что он позер и неплохо разбирается в тачках. Сам Риган предпочитал спортивные машины, но сразу отметил вкус незваного гостя.

Недолгий путь до кабинета и объяснения Джонатана прошли мимо — он думал о том, что этому типу потребовалось от него именно сейчас, и не находил других причин, кроме злосчастной штуковины. В Эванс-Холле так было всегда: то густо, то пусто. То тишь да гладь, то все вверх дном. Предположить, что подкатить на такой машине мог случайный гость, не давал бесценный жизненный опыт.

Мужчина в элегантном костюме небрежно листал «Таймс» и отложил газету сразу, как только увидел Ригана. Он поднялся навстречу — высокий, вальяжный и самоуверенный, с едва заметной проседью в темных волосах, тяжелым взглядом светлых глаз и квадратной челюстью.

— Александр Ромашов, — сила и превосходство, что прозвучали в голосе, отразились и в протянутой вниз ладонью руке. На лице застыл отпечаток снисходительности, как будто само его появление способствовало падению ниц и битью лбом о землю в экстазе. Риган не принял руку, обошел стол и удобно устроился в кресле. Не ожидал он, что так быстро встретится с одним из тех, кто охотится за подвеской.

— Хрена с два он добрый, Александр, — Риган жестко улыбнулся, — зачем вам ключ?

Покровительственное выражение в глазах посетителя на мгновение сменилось раздражением, а затем весельем. Этот

тип либо не знает, с кем связался, либо знает очень хорошо. Второй вариант Ригану совсем не нравился.

— Обойдемся без предисловий, меня это тоже устраивает, — Ромашов вернулся в кресло, не дожидаясь приглашения. Сцепил пальцы в замок и насмешливо смотрел на него. — Вы наверняка не знаете, что существует еще один Город.

Риган с трудом удержался от весьма красочного ругательства — он действительно не знал. Археолог Бертран Ламбер вышел на след Древней цивилизации в конце девятнадцатого века. Ученый обнаружил первые упоминания о ней и ключ на Мальте, но довести дело до конца не успел: Бертрана благополучно отправили к праотцам. Его дочь Ив и севшую ей на хвост команду лже-археологов — орденцев под командованием Тома Дюпона — долгие годы поисков привели на раскопки неподалеку от Ираклиона. Никто не упоминал о другом Городе. До настоящего дня.

— Продолжаем разговор?

— Продолжаем, — Риган выдвинул ящик стола, чтобы убедиться, что пистолет на месте.

Уверенность нежданного гостя не давала ему покоя. По всему выходило: Ромашов знал, кто перед ним, но вел себя так, словно у него в запасе было несколько весомых козырей. Как знать, на что он ставит.

— Замечательно. Тома Дюпон долгое время расшифровывал найденные в первом Городе письма. Он вел дневник, в который записывал все, что считал важным, а после

передал его в надежные руки. Так мы узнали о том, что есть еще один Город.

Риган опустил взгляд: не хотел, чтобы Ромашов заметил просыпающегося внутри зверя. Одного имени Дюпона хватило, чтобы сквозь приглушенную боль воспоминаний начала продираться злая, первобытная ярость. Орденец использовал Ив, потому что она была дочерью Ламбера. Только она могла прочесть шифры Бертрана, и сделать это быстро, поэтому Тома вцепился в нее как клещ: оформил опеку, прикрывался благими мотивами, сыграл на ее страсти к приключениям, любви к отцу и желанию закончить дело всей его жизни. Ив действительно верила, что Дюпон хочет того же, она привела их к Городу. Тома получил смертельное оружие против измененных — захоронение металла, и ему было безразлично, что невинная девчонка может пострадать.

— Город нашли, но открыть не сумели. Среди заметок Дюпона обнаружили эскизы пропавшего ключа, за которым тоже пришлось побегать.

У Ригана едва уловимо дернулся уголок губ.

— Кто вы, и на кой вам сдался чертов Город?

— Скажем так, в нем сокрыты знания, обладание которыми стоит целое состояние, но довольно откровенности. С моей стороны ее было достаточно. Ваш черед, Эванс. Хотите работать на меня?

— И что взамен? Как видите, я не бедствую.

— Во-первых, останетесь живы. Вы, и все, кто в этом до-

ме. Во-вторых, получите доступ к тайнам, о которых и помыслить не могли.

— Вот даже как, — Риган приподнял брови. С каждой минутой этот разговор и Ромашов нравились ему все меньше и меньше. — Если вы так уверены в себе, на кой вам сдался я?

— Вы были под Ираклионом.

Риган развел руками и кивнул, чтобы скрыть замешательство. Нужно было выиграть время, подумать, но мысли метались, как обкурившиеся подростки по парку развлечений от одного аттракциона к другому. Ромашов узнал его имя не из телефонного справочника или светской хроники. Неужели Дюпон, чтоб ему гореть в аду, написал о нем в своих мемуарах? Ромашов знал о его прошлом, но позволял себе снисходительный тон и угрозы. Да, он был под Ираклионом, но, если у них дневник Тома, его знания им без надобности. Ромашов держится так, будто по щелчку пальцев может разнести весь дом в щепки, но почему-то сидит и уговаривает его. Нет, что-то тут определенно не так.

— Договорились, — Риган расслабленно откинулся на спинку стула, выхватил пистолет и направил на него. — А теперь поговорим откровенно. Зачем я вам нужен на самом деле?

В грудь ударил порыв невесть откуда взявшегося ураганного ветра, за спиной раздался звон разбитого стекла. Его отшвырнуло назад вместе со стулом, и приложило о стену,

оружие выпало из рук и отлетело в сторону. Сквозь грохот и шум Риган слышал нарастающий рокот, как если бы он сидел верхом на самолете без наушников. Уши заложило, а сила, бушующая вокруг, превратила кабинет в хлипкую хибару. Мебель поднималась в воздух, шла трещинами и крошилась, окна и стеклянные дверцы осыпались осколками. Сам Риган чувствовал себя зажатым между стеной и могучим невидимым прессом, который давил на грудь с такой силой, что невозможно вдохнуть.

— Очень глупо, — произнес Ромашов и, наконец, поднялся с единственного уцелевшего стула. — Нужно было сразу вам показать, что мир даже самого богатого человека тоже может быть слишком маленьким.

Дверь распахнулась, и в кабинет рыжим вихрем влетела Лорин: расширенные глаза, побелевшие губы — такой напуганной Риган видел ее впервые, но помочь ничем не мог. Невидимая гигантская рука продолжала удерживать его над полом, вдавливая в стену. Конфетка бросилась к нему, Ромашов ухмыльнулся, вскинул руку, и... ничего не произошло. Давление на грудь ослабло, Риган глубоко вдохнул, сполз по стенке и закашлялся. Самоуверенное выражение сошло с лица новоиспеченного фокусника, как лавина с горы — стремительно и неотвратно.

— Она у тебя... — прошипел Александр и поспешно шагнул к Лорин. Вместо того, чтобы бежать, Конфетка приникла к Ромашову всем телом и впилась в губы яростным по-

целуем. Когда тот понял, в чем дело, было уже поздно. Фокусник рванулся назад, но Лорин вцепилась в него мертвой хваткой, и не только на физическом уровне. Она тянула из него энергию стремительно и жадно, будто держала себя на голодном пайке с неделю, а руки разжала только когда тот потерял сознание и рухнул на пол.

Риган успел подняться, и теперь надежно держался за край стола. Голова шла кругом в прямом и переносном смысле — похоже, сотрясение он все-таки заработал. Тошнило нешуточно, звенело в ушах, а мир вращался перед глазами, как будто чокнутый карусельщик включил высокую скорость. Почти две сотни лет Риган ходил под этим небом, но в жизни не встречал ничего подобного. Это напоминало современные навороченные шоу иллюзионистов, но он сомневался, что Джонатан позволил Ромашову протащить в кабинет инвентарь для представления. Зато теперь становилось понятно, почему Александр так легко и просто делился сведениями, и почему держался так надменно.

— Ты в порядке? — Лорин погладила его по щеке, внимательно и взволнованно заглянула в глаза.

— Жить буду. Спасибо тебе.

Если бы не чувствующая, он бы уже был холодным трупом. А потом и Джонатан, и Уварова, да и Конфетка тоже. Александр забрал бы подвеску, сравнял Эванс-Холл с землей, и благополучно укатил на своем «Фантоме» в закат. Точка.

Впрочем, проблему полудохлого фокусника никто не от-

менял, равно как и того, что он может скоро очухаться и сделать следующий ход. Риган выпрямился, в спине что-то смачно хрустнуло, и он скривился. Он поднял пистолет и направился к неподвижно лежащему Ромашову. В этот неловкий момент и подоспела массовка. Джонатан с неизменно спокойным выражением лица и заряженным охотничьим ружьем, которое висело над лестницей, как декорация, и Агнесса. Уварова была белой, как лист бумаги. Ее перепуганный взгляд скользнул по распластавшемуся на полу гостю и замер на пистолете.

— Это все из-за меня... — сдавленно пробормотала она, и Риган бросил на нее яростный взгляд. Что еще она успела натворить, а главное — когда?!

Лорин не пошевелилась. Она прислонилась к стене, разделенной надвое огромной трещиной, и выглядела спокойной, но он знал, что это не так. Чувствующая скрестила руки на груди и смотрела в сторону. Даже для той, что была частью мира теней, увидеть и пережить такое — это слишком.

— Джонатан, позаботься об Уваровой, — жестко произнес Риган.

Хартстриджу не нужно было повторять. Он привык к тому, что творилось вокруг и в стенах Эванс-Холла все эти годы: хаос, неразбериха, загадочные происшествия и опасность. Он быстро увел Агнессу и, когда за ними закрылась дверь, Риган повернулся к гостю. Нужно его допросить, и помощь Лорин придется как нельзя кстати.

— Эванс! — возмущенный крик Лорин перекрыл выстрел и вой Ромашова, которому пуля угодила в коленку. Чувствующая глядела волком, но Риган и бровью не повел: подошел, облокотился о подлокотники стула и пристально посмотрел на неудачливого фокусника. Он перестал выть, только звучно клацал зубами, как будто изображал ожившего Щелкунчика. Пальцы Конфетки, лежащие на плечах Ромашова, побелели от напряжения и страха — на допросах ей раньше присутствовать не приходилось, да и держать энергию человека на одном и том же уровне — тоже: достаточно, чтобы он оставался в сознании и здравом уме, но не мог повторить волшебный ураган.

— Что за дама звонила Уваровой?

— Мила, — с ненавистью глядя на него, выплюнул тот, судорожно втянул воздух и добавил. — Мила Аверс.

— Кто она?

— Я ничего о ней не знаю!

— Да ну? — Риган положил свободную руку ему на раненое колено и сжал — сначала легко, потом чуть сильнее. Вой Ромашова вознесся по нарастающей, а потом перешел в скулеж.

— Ладно! — завопил тот. — Ладно, ладно! Я все расскажу!

Риган кивнул, отпустил его колено. От запаха крови сердце забилося чаще, зверь внутри заворочался, и он поспешно вытер окровавленную ладонь о брюки. Пока Ромашов приходил в себя, пытаясь отдышаться и проклиная его на все возможные лады, Конфетка показала Ригану кулак, но он только плечами пожал: сейчас не до церемоний. Полчаса назад этот тип едва не отправил его к праотцам. По насупленному взгляду чувствующей становилось понятно, что после его ждет неприятный разговор, но если бы мог обойтись без нее — обошелся бы. Изображать летающий волчок стараниями Александра больше не хотелось.

— Она сама на меня вышла, когда я только открыл в себе способности. Сказала, что научит многому. Что знает о мире гораздо больше, чем я могу себе представить. Сначала я не поверил, но потом она показала, как управляется с водой. Она сильная, очень сильная! Ты еще пожалеешь, что отказался со мной пойти!

Как и предполагалось, уверенность Ромашова испарилась еще в самом начале, теперь же от нее остались жалкие ошметки. Угрозы тоже приобрели другой оттенок: если раньше предполагалось, что Александр силен и могуч, то теперь в роли устрашения выступала загадочная Мила Аверс. Которая каким-то образом раздобыла записи Дюпона.

— Так значит я нужен Миле? — Риган выделил имя. — Зачем?

— Не представляю! Она просила передать тебе од-

ну-единственную фразу. Сказала, что это пароль.

— «Вы были под Ираклионом?»

Ромашов кивнул, а он не удержался от смешка. Мила не посвятила подручного в подробности, не рассказала о его, Ригана, прошлом. Откуда она знала, на чем сыграть? Дюпон всю историю в своем дневнике расписал, летописец хренов? Если так, она наверняка догадывалась, что сильно рискует Ромашовым. Или поставила на его способности?

— Что значит — управляется с водой? Какие еще есть силы?

— Если хочешь лицезреть цунами на суше — это к ней. Мою ты видел, я управляю воздухом, Морис может устроить землетрясение на ровном месте.

— Откуда у нее дневник? Откуда взялись способности?

— Не знаю...

Риган шагнул было к нему, но Ромашов завопил во всю глотку:

— Не знаю, я правда не знаю! Мила говорит — все ответы в Городе! Может она и знает больше, но с нами не делится, только с Морисом, он все время таскается за ней.

Скрестив руки на груди, Риган наблюдал за ним. Глаза еще больше посветлели от страха, и только каким-то чудом не вылезали из орбит, но взгляд не бегал. Пот струился по красному лицу — то ли он здорово напрягался, когда вопил, то ли воздействие чувствующей не прошло бесследно. Стянутые веревкой руки едва уловимо подрагивали. Нет, он со-

вершенно точно не лжет.

— Все ответы в Городе. Хорошо, — Риган подошел к нему вплотную, Александр невольно шарахнулся назад, но он положил руку ему на шею. — Сколько вас, кто вы, как поддерживаете связь? Кто такой Морис?

— Телохранитель или вроде того. Понятия не имею, где она его нашла. Все время молчит, но смотрит так, что страшно становится. Остальные друг друга не видели, я знаю только, что все мы со способностями. Мила говорит, что мы познакомимся, когда придет время.

— Значит, она знает всех?

— Да!

— Замечательно.

На самом деле ничего замечательного не было: сильная и злобная дама окружила себя людьми со способностями, которым обещала манну небесную в виде знаний, откуда у их талантов ноги растут. Она же где-то откопала дневник Дюпона и собиралась вскрыть Город, не гнушаясь методами и средствами. Совсем как Тома.

Александр захрипел: Риган с силой сжал руку на его шее.

— Эванс!

Голос Лорин привел в чувство. Он заставил себя разжать пальцы и отступил, а зверюга внутри недовольно облизнулась. Риган нахмурился и поднял взгляд на Конфетку, даже не сразу понял, что к чему. Она стояла, скрестив руки на груди, не прикасаясь к Ромашову. Прежде чем он успел

спросить, какого черта, чувствующая достала подвеску и показала фокуснику.

— Это помешало тебе разнести Эванс-Холл?

Тот криво усмехнулся, посмотрел исподлобья — не на чувствующую, на него.

— Твоя девка оказалась умнее тебя.

Риган даже не сильно ударил — так, чтобы научить уважению к женщинам, но голова Александра мотнулась назад, раздался характерный хруст и из носа брызнула кровь. Лорин поморщилась, обошла стул и вложила часть ключа Ригану в ладонь.

— Дальше справишься без меня?

— Как ты поняла?

— Он попытался шалить, и эта штучка стала обжигаяще ледяной. Будто вместе со мной тянула из него силу, — Лорин скривилась. — Или сама тянулась к нему. Брр, мерзость!

Риган молча кивнул, и только когда стук каблуков чувствующей сменился зловещей тишиной, снова повернулся к фокуснику. Дальше дело пошло быстрее. Во-первых, не нужно было стеснять себя в мерах, во-вторых, Александр это понял. Шустро, хотя и гнусаво — со сломанным носом иначе не получалось — рассказал все, что знал, без наводящих вопросов.

Мила не могла объяснить такой феномен: рядом с металлом они слабели и не могли использовать силу. Она не рассказывала, где находится другой Город из соображений

безопасности, но попросила Ромашова достать вторую часть ключа и пообещала, что он одним из первых узнает обо всем, что они найдут. Для дела Александр нанял мелких уголовников, от которых позже избавился лично.

— Я рассчитывал, что Уварова принесет подвеску, чтобы спасти этого задохлика, но тут вмешался ты. Пришлось его хорошенько потрясти, чтобы выяснить, куда она могла деться. Он рассказал, что девка ездила к тебе, я связался с Милой, ну а дальше ты уже знаешь.

— Мила дала добро на убийство Майлза? И Уваровой?

— Она сказала — не церемониться и не оставлять свидетелей, — произнес Ромашов, — везде бывают накладки. Тем более что ему мы тоже предлагали сотрудничать, но все такие честные пошли... ужас.

За циничной насмешкой прятался страх — их разговор подошел к концу, и Александр это понимал.

— В твоих же интересах отпустить меня, Эванс, — снова напомнил о себе Ромашов. — Если я не вернусь, Мила тебя из-под земли достанет.

Задумчивость тот принял за испуг, и мгновенно воспрянул духом: во взгляд вернулась прежняя заносчивость, разбитые губы растянулись в насмешливой улыбке. Риган не собирался его отпускать, он вспомнил фото безжалостно искореженной машины наемников. Если для Александра с его силой провернуть такое не составило труда, тогда на что способна Мила? Или Морис?

Сам Ромашов больше не был полезен, а проблем со своей загадочной силой мог создать уйму. Должно быть, приговор отразился в его глазах, потому как Александр побледнел и поспешно пробормотал:

— Эванс, мы могли бы подружиться...

— Это вряд ли, — ответил Риган.

А потом вскинул пистолет и нажал на спуск. Ромашов дернулся и затих.

В кабинете явно стоило прибраться, а следом — задать Уваровой отменную трепку. Риган понятия не имел, что натворила глупая девчонка, но точно знал, что просто так этого не оставит. Стоило дать внутреннему зверю свободу, и он отказался уходить в тень. По венам струилась первобытная ярость: эти ублюдки не просто сунулись к нему в дом, они пытались его убить.

Глава 5

В которой Агнесса на собственном опыте узнает, как новоявленным французенкам нелегко на чужбине.

Ньюкасл, Великобритания — Дублин, Ирландия — Тенерифе, Испания. Сентябрь 2014 г.

Агнесса сидела на краю кушетки и сверлила взглядом противоположную стену. Чай, который принес Джонатан, уже давно остыл, но она так к нему и не притронулась. Убийство Майлза, кража подвески, побег. Как только она поняла, что возможно когда-нибудь получится это принять, обрушился новый удар. Или скорее взрыв.

В ушах до сих пор звучал ужасный шум. Должно быть, с таким ураган валит столетние деревья. Перед глазами стоял разрушенный кабинет, незнакомец без сознания, побледневшая Лорин, Джонатан и Эванс с оружием в руках. Сначала она почувствовала облегчение: Риган цел и невредим, но потом перехватила его взгляд: жестокий, холодный, яростный — он прожег Агнессу насквозь. Взгляд хищника, который победил: полный азарта и предвкушения. От него веяло опасностью, и она с ужасом осознала истинную силу своей вины. Из-за нее погиб Бен, а несчастный, распростертый у ног Эванса, появился здесь после звонка Рите. Она хотела

спросить Ригана, что он собирается делать, но не нашла в себе сил выдать и слова. Таким страшным она видела его впервые.

Агнесса обхватила себя руками, пытаясь успокоиться. Он выставит ее за дверь или застрелит как свидетельницу? Отчаянно захотелось заползти под кровать или чудесным образом очутиться на другом конце земного шара, подальше от Эванс-Холла. Мысли о попытке к бегству она отбросила сразу. Не хватало только снова натолкнуться на Джонатана и сделать еще хуже.

Прошло несколько часов, прежде чем дверь в спальню распахнулась, ударила о стену, и Агнесса подскочила, как ужаленная.

— Рассказывай.

Эванс быстро подошел к ней. Жесткое выражение лица, холодный взгляд: он по-прежнему в бешенстве!

— Я позвонила сестре, — прошептала она. — Я хотела тебе рассказать, но ты не стал слушать.

— Не стал слушать?! — Риган схватил ее за плечи и ощутимо встряхнул. — Я приволок тебя сюда не для того, чтобы все в этом доме оказались заложниками твоей идиотской сентиментальности! Какого хрена ты ей звонила? О чем вы говорили?

Агнесса зажмурилась, рванулась из его рук. Она понимала, что поступила глупо, но не знала, как все исправить.

— Я сказала, что ты меня спас! Я не знала, что все на-

столько серьезно, не представляла, что нас и правда могут отследить по звонку! Прости.

Риган отпустил ее и отступил на шаг.

— Ты понятия не имеешь, во что влипла, деточка, — раздраженно процедил он. — Если я говорю сидеть тихо и не высовываться, ты сидишь тихо и не высовываешься. Радуйся, что они решили наведаться ко мне, а не к твоим родственникам. Которые теперь знают, что с тобой все в порядке! И то потому, что тебе повезло. Снова.

Он развернулся и вышел, с силой захлопнул дверь, а Агнесса опустилась на кушетку и задрожала. Она не подумала, что опасность может грозить и ее семье. Папе, маме, братьям, Ритке, близнецам и Питеру. Самым дорогим, самым близким! Хотелось плакать, но не получалось — разговор с Эвансом ее опустошил. Какая же она глупая!

В дверь постучали, и вошла Лорин. Вчера общаться с ней было на удивление легко и просто: улыбчивая и открытая, звезда не страдала высокомерием, охотно делилась забавными рабочими моментами, рассказывала о съемках. Что Лорин думает про нее теперь, после того, что она натворила?

Агнесса готова была к упрекам и нападкам, вместо этого та присела рядом и погладила ее по плечу.

— Не держи на него зла. Риган просто сорвался.

— Я хотела, чтобы мои близкие не волновались. Не все же живут так, как он.

Бейл окаменела и перестала улыбаться. В ее взгляде

мелькнуло раздражение.

— У Ригана тоже есть семья — я и Джонатан. И разозлился он как раз потому, что нам грозила опасность.

— Прости.

Она ничего не знала об Эвансе. Галантный и язвительный, циничный и жесткий, нежный и грубый, спокойный и яростный. У него было множество обличей — не угадаешь, какое из них настоящее.

— Он вышвырнет меня на улицу? После всего, что я...

— Я не позволю.

Спокойнее от обещания Лорин не стало. Она не знала, что хуже — столкнуться с полицией и охотниками за сокровищами, или же остаться рядом с Эвансом после того, что произошло. Ощущение нереальности происходящего не отступало. Агнесса хотела заснуть и проснуться в своей постели, отправиться на пробежку, позавтракать и пойти на работу. Изредка вспоминать, какой бред ей приснился, и смеяться над ним. Сегодня она бы отправилась к родителям, помогала накрывать на стол, улыбалась отцовским шуткам, а завтра встречалась бы с клиенткой с окраины Лондона — та хотела оценить браслет, доставшийся ей от прабабушки. Но теперь у нее не было ни работы, ни даже возможности поговорить с близкими.

Лорин вернулась через полчаса и сообщила, что Агнесе придется поехать с Риганом.

— Выезжаете ночью, поэтому отдохни пару часов.

— Куда?

— Он сам все расскажет. И еще. Риган привык к маске плохого мальчика, поэтому не провоцируй его. Будь помягче, и... думаю, вы подружитесь, — звезда ослепительно улыбнулась и вышла.

Странно слышать из уст пассивной Эванса такой совет, тем более что сейчас Агнесса не представляла не только дружбу с Риганом, но и их следующий разговор. Ей было стыдно смотреть ему в глаза.

Заснуть не удалось даже после ванной. Она проворочалась с час, потом поднялась — уставшая, опустошенная и измученная. Поспешно оделась, забила в кресло и сидела как на иголках — до тех пор, пока в комнату не постучал Джонатан.

Моросил дождь. Агнесса плотнее закуталась в легкий плащ, чувствуя, как холод пробирается по обнаженным ногам. Мрачное поместье словно не желало отпускать свою гостью. В сумерках дом выглядел загадочным и неприветливым, под стать настроению его хозяина. Агнесса добежала до не приметного серого седана, разительного отличающегося от спортивной машины Эванса, нырнула на пассажирское сиденье. Здесь было теплее, и она потерла замерзшие ладони.

Взгляд Ригана больше не обжигал яростью, но и не лас-

кал привычной игривой насмешкой. Он не сказал ни слова, просто вручил ей очки, паспорт, водительское удостоверение на имя Адель Вальян, и завел двигатель. Для новых документов использовали фотографию с ее прав. Тогда она еще не выпрямляла волосы, носила очки и была полнее. Агнесса вспомнила фото в настоящем паспорте — никаких кудряшек, укладка, легкий макияж. Да уж, лучше маскировки не придумаешь.

Теперь стало понятно, почему Эванс выспрашивал у нее про знание языков. Ничего общего, кроме внешности, с Адель у нее не было. Француженка, родилась в Лилле, в марте, двадцать шесть лет. Самой Агнессе должен вот-вот исполниться тридцать один. Глядя на паспорт, она никогда бы не подумала, что он поддельный. Теперь Адель Вальян — настоящая, а Агнесса Уварова всего лишь жалкая тень. Ее прошлое медленно стиралось, миля за милей, минута за минутой. Эванс не разговаривал, и она задремала, убаюканная ночным шоссе, шумом дождя за стеклом и теплом в салоне.

— Проснись, спящая красавица. Паром ждать не будет, — резкий голос Эванса разбудил сразу, но этого ему оказалось недостаточно. Он положил руку ей на плечо и ощутимо встряхнул. С трудом разлепив веки, Агнесса выпрямилась на сидении, покрутила головой, разминая затекшие мышцы, и огляделась. Крики чаек и бодрящая свежесть подсказали о близости моря. Больше не лило, но небо было низким, хмурым и серым.

Она узнала Холихед, гавань, от которой отходили паромы в Ирландию. Агнесса была здесь еще подростком, вместе с родителями. Они тогда только перебрались в Великобританию и ездили повсюду на экскурсии. Одно из самых ярких воспоминаний детства: привкус соли на языке, огромный паром, по которому они бегали с братьями наперегонки, горячий шоколад в ресторане, улыбки родителей. Горло словно сдавило тисками, и Агнесса поспешно отвернулась, чтобы не выдать свою слабость. Эванс сказал, что они сядут на паром до Дублина. Дело осталось за малым — пройти проверку документов и покинуть страну.

Агнесса нацепила очки, которые были явно для человека со зрением похуже, но не стала жаловаться. Она безумно волновалась и даже начала заикаться. Служащего на паспортном контроле настолько позабавил ее «французский» акцент, что он стал четче проговаривать слова. С ролью она справилась, а с документами все оказалось в порядке. Кто бы ни помогал Эвансу, он хорошо знал свое дело. Агнесса перевела дух, когда они наконец-то проехали на паром, и только сейчас поняла, что с силой вцепилась в руку спутника.

— Страшно? — в его голосе звучала столь привычная беззаботность, но сам он оставался хмурым и сосредоточенным.

— Мне сейчас страшно все, — Агнесса сняла очки. Без контактных линз было неудобно, и она уже не раз пожалела о том, что решила не надевать их в дорогу. — Выходит, я втянула тебя в этот дурдом, когда приехала в Эванс-Холл.

Риган насмешливо взглянул на нее.

— Я был одним из первых, кто увидел эту штуковину в нашей эре. Мне и в голову не приходило, что она способна причинить еще больший вред. Так что это я втянул тебя во все. И еще с десятков людей и не очень, численность и видовая принадлежность участников завязавшегося безобразия пока уточняется.

Агнесса половину не поняла из того, что он сказал, но решила, что ее извинения приняты. На душе стало легче, и она улыбнулась.

Паром отчаливал. Вокруг сновали люди, перекрикивали музыку, спешили занять удачные места. В Эванс-Холле Агнесса успела соскучиться по шумной толпе, шуршанию газет и журналов, по быстрой многоголосой жизни Лондона. В ресторане она косилась на горячий шоколад, но не была уверена, что не расплачется от одного его запаха, поэтому оставила выбор за Риганом. Они взяли кофе и бутерброды, и расположились за столиком на палубе. Она откусила сэндвич и поняла, как сильно голодна. Раньше Агнесса всегда придерживалась правильного питания, сейчас же с удовольствием уплетала вкусный и вредный завтрак, но ничуть не раскаивалась.

Эванс расположился в кресле напротив. Его привычный образ — модные джинсы и рубашка навыпуск — немного не вязался с небритым, бледным и слегка помятым лицом. В отличие от Агнессы, ел он на удивление мало. Риган провел

остаток ночи за рулем, и она только удивлялась, как он вообще держится. Будь между ними отношения потеплее, Агнесса бы предложила ему размять плечи и шею. У нее неплохо получался массаж, но их «дружба» не предполагала такой близости.

— Куда мы едем?

— В безопасное место.

— Кто тот человек, которого я видела в кабинете? Что там произошло?

— Жадный до древних безделушек тип.

Агнесса вопросительно взглянула на него, ожидая продолжения.

— Он разворотил кабинет, не двигаясь с места, — если это и была шутка, то Эванс оказался на редкость хорошим актером. Лицо его не выражало ничего, кроме бесконечной усталости.

— Я не знаю, что ты куришь, но иногда мне даже хочется попробовать.

— Я курю жизнь, Уварова. Чистую, неразбавленную жизнь, — Эванс отпил кофе и откинулся на спинку стула.

— Почему Лорин и Джонатан не поехали с нами?

— У Лорин съемки, а Джонатан плохо переносит качку.

Агнесса притихла. Нет ничего удивительного в том, что он не хочет говорить о своих близких: от нее одни неприятности. Она — чужая, не то что Лорин, и его жизнь ее не касается. Как бы ни хотелось спросить, что стало с тем челове-

ком, она не осмелилась. Потому что боялась услышать ответ.

Дублинский аэропорт мало чем отличался от себе подобных. Терминалы из стекла и металла, встречи и проводы, шум, объявления. Что, если вернуться не получится? Она мысленно содрогнулась и сосредоточилась на творящейся вокруг суете. Им повезло с прямым рейсом, долго ждать не пришлось. Регистрация, очередной паспортный контроль — и вот они уже в самолете. Агнесса наконец-то узнала, куда они держат путь и даже не удивилась. Эванс обещал ей Кубу или Рио, но выбрал место поближе.

Канарские острова.

Риган заснул сразу, стоило ему опуститься в мягкое кресло бизнес-класса, Агнесса же не могла сомкнуть глаз. Скажи кто еще неделю назад, что привлекательный и состоятельный мужчин предложит ей оставить дождливый Лондон и отправиться в жаркие страны, она бы рассмеялась и согласилась, но сопящий в соседнем кресле Эванс ее пугал и... завораживал.

Их свел случай и загадочная подвеска. Ему удавалось вывести ее из себя одним словом, но Агнессу влекло к нему. Риган постоянно с ней заигрывал, дразнил и насмехался, но что он чувствовал на самом деле? Агнесса украдкой взглянула на спящего Эванса, нацепившего на глаза маску с надпи-

сю: «Не влезай — убьет». Нет, вряд ли. Она слишком обычная. У него наверняка море любовниц, и Лорин — только одна из них. К ногам таких мужчин падает любая женщина.

«Только не я», — поправила себя Агнесса. Ей не нравились отношения от случая к случаю, а тем более секс ради секса. Однажды она уже обожглась и ошибку повторять не хотела.

Напряжение пересилило усталость, и поспать ей не удалось. Зато удалось насладиться всеми прелестями бизнес — класса: вкусной едой, шампанским, откидным креслом, в котором спокойно можно устроиться так, как тебе удобно. Эванс проснулся к концу полета, но ни слова не сказал. Все так же в молчании они сошли на землю Тенерифе, прошли все формальности и сели в такси.

Безопасное место, о котором говорил Эванс, выглядело как дом мечты. Двухэтажная вилла в испанском стиле — с красной черепицей, белоснежными стенами и арками — затерялась среди пальм и цветов. Как следует осмотреться не хватило сил: бессонные ночи и постоянное напряжение давали о себе знать. Спальня уступала комнате Эванс-Холла, но была не менее изысканной. Светлые стены и полы, мебель из полированного дерева, широкие стеклянные двери, ведущие на веранду. Все было великолепным, но чужим.

Агнесса вспомнила, как тяжело привыкала к жизни в Лондоне после переезда. Другая страна, новая школа, чужой язык. Только тогда рядом были родные, с которыми она де-

лилась страхами и переживаниями. Родители, братья, Рита, дядя и тетя. Они часто собирались всей семьей, и ощущение «дома» крепко укоренилось в ней. Дом там, где близкие. Сейчас даже некому обнять ее и сказать, что все будет хорошо. Нет, если так пойдет — ей грозит еще одна ночь без сна. Если не прекратить себя изводить, то она быстро сойдет с ума. Только этого для полного счастья не хватало! Не позволяя себе проникнуться страшными мыслями, Агнесса устроилась на кровати поверх покрывала и быстро провалилась в сон.

Многолетняя привычка подняла ее в шесть утра. Агнесса с наслаждением потянулась, потерла глаза, и сразу вспомнила, что не дома. Улыбка сбежала с ее лица. Теперь каждое утро начиналось с этой мысли. Выспаться она смогла, но не вернуться к прежней жизни.

В комнате было душно. Кондиционер выключен, а окно она забыла открыть. Стянув влажное от пота платье, которое на Тенерифе было не к месту, Агнесса судорожно вздохнула. Слезы потекли по щекам, и она уже не могла остановиться, плакала навзрыд. Ко всем бедам ее жизни добавилось дурацкое грязное платье, которое стало последней каплей. Покидая Эванс-Холл, Агнесса даже не подумала о том, чтобы забрать подаренную Джонатаном одежду. Ей хотелось кричать

и выть, но она понимала, что ничего не изменится, и тогда становилось еще горше.

Агнесса с отвращением отшвырнула ненавистную тряпку и убежала в ванную. Вода смыла пот и слезы, но не в силах была избавить от страхов и отчаяния. Стоило подумать о том, что дом остался в другой стране, как сдавило грудь, а перед глазами все поплыло. Сидя в душевой кабине, Агнесса уговаривала себя, что справится. Получалось плохо, и тогда она просто включила холодную воду. Спустя несколько минут замерзшая, опустошенная и неестественно спокойная, она отправилась на поиски одежды. Не разгуливать же по дому голышом.

К комнате прилегала своя гардеробная, но она оказалась пустой, не считая черного шелкового халата. Агнесса примерила его и долго боролась с желанием швырнуть к грязному платью. Халат принадлежал либо мужчине, либо очень высокой женщине, потому что подол волочился шлейфом. Он норовил разойтись в стороны, выставя напоказ то ноги, то грудь. Агнесса туго завязала пояс и вышла во внутренний дворик.

Солнце только начало свой ход по небу. Вид с веранды — на зеленую долину, вулкан Тейде и Атлантический океан, на время заставил позабыть о своих злоключениях. Большой бассейн выделялся среди подстриженного газона голубым пятном. Вокруг расположилось несколько белых шезлонгов, чуть поодаль — узорчатые стулья и столик.

Агнесса бросила на кромку океана полный сожаления взгляд и вернулась в дом. У нее не было ни купальника, ни кроссовок для пробежки. Только грязное платье и туфли, в которых невозможно ходить в такую жару. Рай на земле не способен вернуть утраченное: вилла на Тенерифе казалась золотой клеткой, из которой никогда не выбраться. Что ей теперь делать? Чем заниматься? У нее не осталось даже денег, чтобы купить себе одежду. Карточками не воспользоваться, а из наличных осталось лишь пять фунтов.

Гостиная потрясала размерами. Высокие потолки, мягкие диваны, искусственный камин, все белоснежное или кремовое. Широкая лестница уводила на второй этаж к хозяйским спальням и малой гостиной. Агнесса не стала подниматься: день Эванса начнется гораздо позже, зато прогулялась по первому этажу. В доме обнаружилось несколько телефонов, но она теперь скорее отрезала бы себе руку, чем позволила куда-либо. Нашлась и стиральная машинка — туда отправились несчастное платье и белье. В холодильнике оказалась только вода в бутылках. Перед их приездом в доме явно убрались, но о еде не подумали. Принадлежала ли вилла Эвансу, или он ее просто снимал?

Настроение портилось с каждым часом. Внутри нее боролись благоразумная молодая женщина и эгоистичная девочка. Первая признавала, что нужно довольствоваться тем, что есть, принять, смириться и жить дальше. Вторая топала ногами и вопила во все горло, что хочет домой. И сколько

Агнесса себя ни уговаривала, получалось сомнительно. Ее размеренная жизнь оказалась карточным домиком, который разнес ветер неудач. Иллюзией стабильности, которая растаяла на глазах. Она осталась одна в незнакомом и опасном мире.

Чтобы хоть как-то отвлечься, она отправилась в библиотеку, где нашла море философской и скандальной литературы, о которой раньше даже не подозревала. Книги о разумном, добром и вечном соседствовали на полках с трудами по искусству любви во всех подробностях и тому подобным. Агнесса полистала некоторые, поняла, что несмотря на отнюдь не пуританское воспитание заливается краской, и вернулась в гостиную. Время, как назло, тянулось медленно, в животе то и дело урчало: последний раз Агнесса ела в самолете. Как это ни печально, без денег еды ей не видать.

К счастью, Эванс проснулся раньше обычного. Пусть их общение не всегда задавалось, но сейчас Агнесса искренне обрадовалась.

Он спустился вниз, даже не потрудившись одеться — разве что полотенце вокруг бедер обернул, и то держалось на честном слове.

— Классно выглядишь, — присвистнул Риган, заметив ее, — только мрачновато. Я бы предложил искупаться голышом, но отчаянно хочу жрать. По-другому просто не скажешь. Надо будет найти ресторан...

Агнесса беззастенчиво уставилась на мужскую грудь и не

нашлась, что ответить. Эванс был на удивление хорошо сложен для бездельника-миллиардера. Плоский живот, сильные руки и ноги. Она снова вспомнила поцелуй, как он прижимал ее к стене — тогда, в Эванс-Холле, и ее сердце забилось быстрее. Захотелось повторить холодный душ: соски напряглись, а между ног стало горячо. Отсутствие белья только добавляло пикантных ощущений.

Эванс окинул ее оценивающим взглядом, и она тут же опомнилась, плотнее закуталась в халат. Повезло, что плотный шелк не просвечивался.

— ... Со службой доставки. А после раздобыть тебе одежду.

— Я постирала платье, и теперь у меня есть это, — она помахала поясом от халата. — Не представляю, что делать. Адель Вальян — нищая.

— Расслабься, — Эванс беспечно улыбнулся, — будем считать, что у нее есть богатый любовник.

Эта небрежная шутка мигом вывела из себя.

— Мы не любовники, и я не могу принимать от тебя подарки! — у нее загорелись уши. — Но буду рада, если ты удовлетворишь мне одежду и немного денег.

— Не любовники? Дело поправимо, — Эванс прошел в сторону холла, на ходу по-дружески поцеловал в щеку, чем окончательно отбил желание с ним общаться. Несмотря на то, что он постоянно доводил ее до белого каления, Агнесса была благодарна за такие встряски. Они позволяли на время

забыть о родных и о Лондоне.

Гордостью пришлось поступиться: Риган заказал еду и принес сменную одежду. Его тонкая белая рубашка просвечивала и ничуть не прикрывала грудь, пришлось свернуть ее вдвое и повязать, как топ. А вот короткие облегающие шорты явно принадлежали не Эвансу — Агнесса не представляла его в таком виде даже в страшном сне.

После обеда они отправились в торговый центр. В гараже оказался единственный автомобиль — маленький зеленый «Пежо». Всю дорогу Агнесса порывалась продолжить разговор про деньги, но Эванс только отшучивался.

— Никогда не думал, что окажусь внутри жука на колесах, — мрачно изрек Риган, когда парковался на стоянке, — один из моих самых жутких ночных кошмаров стал явью.

У него был такой забавный вид, что она не выдержала и рассмеялась.

В торговом центре они обошли несколько отделов. Эванс откровенно и беззастенчиво зевал, и не заснул во время примерок исключительно потому, что флиртовал со всеми молодыми продавщицами. Из вредности Агнесса купила гораздо больше, чем собиралась: на выходе получилось бесчисленное множество пакетов с бельем, платьями, майками, шортами, юбками и самой разномастной обувью.

— Быть твоей любовницей приятно, — съязвила Агнесса, прерывая его милую беседу с девушкой-кассиром.

— Приятно во всех смыслах, — подтвердил он.

Девушка ничуть не смутилась ее откровенному выпадку, и тайком подсунула ему свой номер телефона, рассчитывая, что Агнесса не заметит. Она заметила, но ей было наплевать на Эванса и на то, с кем он спит. Хотя это здорово раздражало. Лорин говорила, что Риган привык к маске плохого мальчика, но как по ней, он таким родился. Смешно, что все женщины начинали пускать слюни, стоило ему бросить нагловатый взгляд. Возможно, дело было в том, что на Тенерифе курортная жизнь, и к проходящим романам здесь относятся легко. Саму Агнессу невероятно бесили мужчины вроде него. Эванс привык получать все, а если кто-то ему и откажет, он просто перешагнет и пойдет дальше. Не одна так другая.

Под конец они завернули к невероятно дорогому даже на вид отделу — вечерних и коктейльных нарядов. Агнесса ненадолго замешкалась, а когда переступила порог магазина, Эванс уже вовсю общался с темнокожей консультанткой. До нее донеслись только последние слова:

— Петра, нам нужно сногшибательное вечернее платье. Желательно, два. Чтобы можно было выйти в приличный ресторан или на очень неприличный прием. И туфли к ним, разумеется.

Агнесса искренне не понимала, зачем ей платья. Нику-

да ходить, особенно на неприличные приемы, она не собиралась. Самой достойными покупками за сегодня оказались новые кроссовки, майки, спортивные шорты и купальник. На остальное можно было потратить вдвое меньше. Хватило лишь одного взгляд на ценник вечернего платья, чтобы понять — ей придется продать почку, чтобы вернуть долг.

Петра, показывая модели, обращалась почему-то к Эвансу, и Агнессу это взбесило. Словно ему носить платья! В итоге Риган подобрал на свой вкус. В просторной примерочной она перемерила штук десять, прежде чем остановилась на одном — темно-зеленом, длинном, с оголенной спиной и разрезами по бокам. И только ради того, чтобы потянуть время — говорят, мужчины терпеть не могут ходить за покупками! Может, он наконец-то утолит свою жажду издевательств над ней и перестанет тешить самолюбие.

Не успела Агнесса сказать, что с нее довольно, как консультант притащила платье с витрины. Ярко-красное, короткое, с глубоким вырезом, подчеркивающим грудь. В таком даже стыдно показаться на улице, не то что надеть в какой-то ресторан. Она никогда не носила столь откровенные наряды.

Агнесса покачала головой, но Эванс мягко, ненавязчиво и чрезвычайно обворожительно выставил Петру. Они остались наедине с платьем, которое полыхало, как маяк в ночи.

— Оно мне не подойдет.

— Вот и проверим, — он протянул ей наряд, будто невзначай коснулся ее руки.

По коже побежали мурашки, и Агнесса поспешно скрылась за занавеской, надеясь, что не подойдет размер. Но нет, подлое платье сидело как влитое. Грудь в нем казалась еще больше, а юбка даже прикрывала ягодицы. Во всем остальном оно было ужасным.

«Именно такие платья Эванс любит снимать со своих девушек».

Она разозлилась на себя за дурацкие мысли, и распахнула занавеску, ожидая очередного глумливого замечания, скрестила руки на груди и с вызовом посмотрела на него.

— По-моему шикарно, — он сидел на стуле, листая невесть откуда взявшийся «Форбс». Впрочем, понятно откуда — заботливая Петра принесла.

Риган отложил журнал, поднялся и подошел к ней. Он прищурился, серые глаза потемнели. Она уже не была так уверена в том, что от платья стоит избавиться.

— Неужели совсем не нравится? Ну же, признайся, — Риган убрал волосы с ее плеча, от прикосновения она вздрогнула, сразу стало жарко.

— Я не ношу такие платья.

— Я заметил, — Эванс наклонился к ней, почти касаясь губами ее губ. — Самое время начать.

Снова этот запах — сильный, пряный, притягательный, щекочущее кожу дыхание, близость. Закружилась голова, мысли куда-то испарились, желание возобладало над разумом, и она сама приникла к его губам жадным поцелуем. Аг-

несса не успела опомниться, как оказалась прижатой к стенке. Эванс провел руками по ее бедрам, задирая неприлично короткое платье. Возбуждение скрутилось тугим комком внизу живота, по телу прошла дрожь. Да, она хотела его, но... Эвансу наплевать: если бы на ее месте оказалась Петра в этом самом платье, он бы зажимал ее. Агнесса всхлипнула и оттолкнула его.

— Я не могу, — прошептала она. — Не сейчас.

Такие как Эванс не привыкли ждать. Они либо берут сейчас, либо находят другую. Не такого она хотела.

Агнесса прижалась к стене и опустила голову, избегая его взгляда. Он по-прежнему стоял слишком близко, но больше к ней не прикасался. Напряжение, разделявшее их, сгушалось. Агнесса не видела его лица, но слышала сбивающееся дыхание. Она прекрасно представляла, чего стоит мужчине вытерпеть возбуждение, но сдаваться не собиралась. Да, она совершила ошибку и поддалась порыву, но это не значит, что нужно раздвинуть ноги просто потому, что ему так хочется.

— Я жду снаружи.

Едва зашелестела занавеска, Агнесса облегченно вздохнула, и поспешно стянула, почти сорвала с себя платье. Не стоило ходить вместе с ним за покупками, не стоило лететь на Тенерифе, не стоило приезжать к нему в Ньюкасл. Риган ей не подходил, хотя она не представляла, что ей сейчас вообще нужно. Другая на ее месте обрадовалась бы такой щедрости и возможности порезвиться. Благодарность. Он называл это

так.

Агнесса не умела благодарить. Не умела жить легко и беззаботно. А сейчас и вовсе не знала, что делать дальше. Натянув футболку и шорты, она быстро выбежала из примерочной. Хотела отказаться от платьев, но Эванс уже оплатил покупку, и пришлось ждать, пока их упакуют. Агнесса чувствовала себя мерзко, хотя ничего ему не обещала.

— Сейчас возьмем напрокат приличную машину, а после ты свободна, как ветер в поле. Гуляй, развлекайся, дыши свежим воздухом — здесь это даже не метафора. Кстати, правило выживания номер четыре. Веди себя, как ни в чем не бывало. Чем больше ты озираешься по сторонам, тем быстрее на тебя обратят внимание.

Она вздрогнула, как от удара. Эванс, конечно же, хотел отомстить за произошедшее, потому и намекнул, что ее общество отныне ему не интересно. Но страшно ей стало не от этого: за походами по магазинам Агнесса совсем забыла о том, что ее могут разыскивать.

Больше они не разговаривали. «Жука» Риган отдал ей, а сам остался выбирать машину. В городе они и расстались. Агнесса отправилась на виллу, Эванс — навстречу приключениям. Всю обратную дорогу она постоянно смотрела в зеркало заднего вида, и размышляла, как бы мог закончиться день, согласись она на секс. Теперь ей этого уже не узнать.

Обычно бег успокаивал, приводил мысли и чувства в порядок, помогал сосредоточиться и расслабиться. Не сегодня. Шуршание песка под ногами, океанский бриз и шум прибоя сводили с ума. Вернувшись с ранней пробежки, Агнесса опустилась на ступеньки веранды и уткнулась лицом в колени. За что ей все это? И как справиться, пережить? Она задавала эти вопросы каждый день, но не находила ответа. Эванс вел себя как обычно, но больше не пытался с ней флиртовать. Он возвращался поздно — к тому времени Агнесса уже забывалась тяжелым сном, подолгу на вилле не задерживался. Пересекались они редко, а все их общение сводилось к приветствиям и пожеланиям хорошего дня.

В мыслях она все чаще возвращалась к родителям и прошлому. Эванс сказал, что придется исчезнуть, но как можно расстаться со всеми, кто ей настолько дорог?! Со всем, что греет сердце? Агнесса привыкла к уюту размеренной жизни: окружать себя любимыми вещами, разговаривать с Ритой по вечерам, читать книги, завернувшись в плед и зная, что завтра все будет, как всегда. Теперь же «завтра» вообще не имело смысла.

Помня правила Эванса, она ни с кем не заговаривала, когда покидала виллу. А поговорить хотелось. Рассказать, что ненавидит все вокруг, что безумно скучает по дому. Агнесса не привыкла ничего не делать, и сходила с ума от своих страхов и невозможности занять мысли чем-то другим. Она по-

что не ела, изводила себя тренировками в тренажерном зале и пробежками. Ночами ее преследовали кошмары о том, что родных захватили в плен и держат в Эванс-Холле. Во сне Агнесса пыталась попасть в дом, но дверей в нем не было, окна были заколочены, а плющ обрывался под руками. Она просыпалась, понимала, что ничего не может изменить, и тогда ей хотелось умереть.

Сегодня ночью Агнесса вынырнула из очередного ужасного сна и, наплевав на гордость, бросилась на второй этаж. Она хотела забыться в объятиях Эванса: только чтобы чувствовать рядом биение другого сердца. Ей было все равно, что это только на одну ночь, что потом все вернется на круги своя. Напуганная, разбитая, она тянулась к простому человеческому теплу. Агнесса готова была перешагнуть через себя, лишь бы равнодушие в глазах Эванса сменилось привычной насмешкой. Она осторожно постучала и вошла, но его спальня оказалась пуста. Когда Агнесса поняла, что одна в огромном доме, ее обуял дикий, животный страх. Она вернулась к себе и с головой закуталась в простыню. Ночи на острове были жаркими, но Агнесса долго не могла унять дрожь и согреться. Что ждет ее сегодня?

Опустошенная и разбитая, она поднялась со ступеней, вошла в дом и замерла на пороге. Из кухни тянуло ароматом кофе: то ли Эванс сегодня проснулся раньше, то ли вообще не ложился спать. Агнесса замешкалась в дверях, но все же прошла дальше и остановилась у стола. Вот он, стиль жизни

Ригана: взлохмаченные волосы, расстегнутая рубашка, запотевший бокал с тающими кубиками льда, окрашенными виски.

— Доброе утро! — он бросил на нее быстрый взгляд и вернулся к кофемашине.

Будоражащий, горький кофе смешивался с крепким алкоголем, а Эванс улыбался и что-то напевал себе под нос. Сейчас она ненавидела его нагловатую улыбку и показное радушие. Его безразличное «доброе утро», которое чаще всего звучало в три часа дня. Эванса ничего не трогало, он умел приспособливаться, а она сделана из другого теста. Стоило ему повернуться к ней, как Агнесса схватила со стола пустую чашку и швырнула в него. Он легко увернулся, даже не изменился в лице. Чашка ударилась о стену и разлетелась на осколки. Точно так же разбилась ее жизнь.

— Ого, — Эванс облокотился о стол. — Утро только что стало злым. Прежде чем ты запустишь в меня чайником с кипятком, я хотел бы узнать за что.

— За то, что ты убил меня! — выкрикнула Агнесса, и, испугавшись своих слов, попятилась назад.

Из горла вырвался всхлип, окружающий мир расплывался из-за слез. Агнесса оставила виллу за спиной и бежала, не разбирая дороги. Прочь от ненавистного Эванса и всего, что с ним связано. Рыдания не позволяли нормально дышать, и каждый метр давался с трудом. Она споткнулась и упала, мелкие камушки обожгли ладони. Подниматься Аг-

несса не стала: хотелось просто умереть прямо здесь, на обочине дороги. Родные все равно ничего не узнают, а на остальных ей наплевать.

Глава 6

Повествующая о пользе разговоров по душам и умения расслабиться, когда это жизненно необходимо.

Уварова бегала быстро. Риган оценил ее таланты, когда вышел из дома и обнаружил, что она уже скрылась за поворотом. Она неслась вдоль дороги так, как будто за ней гнались черти. Ему самому явно не хватало тренировок и оставшихся в прошлом сил измененного. Когда Агнесса благополучно залегла в кустах, Риган уже откровенно задыхался. Грудь жгло огнем, поэтому он остановился, оперся руками о колени и пару минут приходил в себя. Какой-то водитель сбросил скорость и посигналил, но Риган махнул рукой, и тот проехал мимо.

Агнесса уже не плакала, на лице ее застыла отрешенность, близкая к отчаянию. Он понял, что быстро отдышаться не удастся и сел прямо на обочину. Риган не понимал, зачем вообще пошел за Уваровой, а красноречие впервые за долгое время отказывалось подбрасывать мало-мальски приемлемые слова. Когда Лорин прибежала к нему с просьбой не оставлять Агнессу одну, он согласился с ее доводами. Растерянная и напуганная дамочка могла создать уйму проблем.

«Мне не нужны лишние неприятности, Эванс, — заявила Конфетка, — у меня контракты, и платить по ним неустойки

я не собираюсь».

О причастности к делу Лорин знали Ромашов, Джонатан и Агнесса. Александр отправился к праотцам, Хартстридж был надежен, как Швейцария, а вот с Уваровой вышла засада. Визит Ромашова чуть не закончился излюбленной трагедией классиков — то есть когда все умерли. Она считала, что потасовка в Эванс-Холле случилась из-за звонка сестрице, а он не стал ее переубеждать. Риган сомневался, что после такого Агнесса решится снова пообщаться с родственниками, но все же лучше было перестраховаться. Случись ей в приступе сентиментальности и отчаяния созвониться с кем-нибудь еще, из нее могли спокойно вытрясти имена Джонатана и Лорин, или раскрыть его временное убежище на Тенерифе.

Последние дни они с Уваровой не общались. Не сказать, что раньше у них клеился разговор, но на Тенерифе стало совсем худо. Есть люди, которые болезненно привязаны к близким, к вещам и обстоятельствам, и Агнесса оказалась одной из них. Она тяжело переживала разрыв с семьей, поэтому ее раздражало, что он не посыпает голову пеплом и не страдает в соседнем углу.

Сам Риган привык к тому, что каждый новый день способен принести крайне неприятные сюрпризы, за которыми придется срочно сниматься с якоря. В мире нет ничего постоянного, и любую тихую гавань может разрушить сильный шторм, так к чему лишний раз заморачиваться. Он никогда не чувствовал в себе ностальгической любви ни к

Эванс-Холлу, ни к старушке Англии. Впервые за три десятка лет дом закрыли: мебель затащили в чехлы, чтобы оставить огромное поместье медленно угасать. С годами ползущий по стенам плещ совет вокруг него кокон, и по особняку будут разгуливать только призраки. Если, конечно, ему не удастся шустро разобраться с говножуями, которые затеяли очередной поход за древностями.

Риган просил Джонатана уехать. После того, что произошло, оставаться в Эванс-Холле — чистейшей воды самоубийство. В любой момент там могли нарисоваться Мила и Морис, а другом Риган рисковать не хотел. Для всех Хартстридж был просто дворецкий, но кто знает, какие еще справки Мила о нем навела. Долгие годы Джонатан оставался с ним, его тайнами и грязным прошлым. Один из немногих, кто не побоялся замараться тесным знакомством и работой на измененного, и дело было отнюдь не в деньгах. Что бы ни случилось, Хартстридж принимал его сторону.

Где он сейчас, Риган не знал. Может статься, уехал к родным, или куда подальше. Жалованье позволяло Джонатану спокойно прикупить дом где-нибудь на островах. Или небольшой остров при желании. Главное правило тех, кто вынужден скрываться — как можно меньше знать друг о друге.

Он вытянулся рядом с Уваровой и принялся разглядывать плывущие по небу облака. В детстве Риган любил убежать из дома к запруде у самого леса. Валялся у реки, несколько

не заботясь о состоянии одежды, жевал травинку и смотрел, как по водной глади скачут солнечные блики. Облака всегда казались ему невероятно мягкими — чем-то вроде пуховой перины, только гораздо приятнее, и Риган мечтал, что наступит тот день, когда на них можно будет прокатиться. Потом он возвращался домой, и сказка заканчивалась. Для начала ему влетало за испорченный камзол и штаны, потом его отправляли мыться, где служанка скребла его такой жесткой мочалкой, что чудом не сдирала кожу до костей. От таких водных процедур хотелось быть.

Сейчас никто не мог помешать ему измазать в пыли и травяном соке рубашки и брюки. Больше того, как и в оставшемся за чертой отрочестве, ему было наплевать на одежду.

— Охренительно красиво, — сказал Риган в адрес высокой синевы, расчерченной белоснежными штрихами. — Как насчет прогуляться до океана?

Агнесса облизала пересохшие губы и кивнула.

— Извини.

Риган протянул руку и помог ей подняться. Весело прищурился, когда Уварова попыталась отстраниться, и легко сжал ее пальцы.

Они шли вдоль дороги, и Агнесса упорно смотрела себе под ноги, как будто в покрытии был заложен смысл всего сущего.

— Местные и заезжие разбойники уже посягали на твою честь?

Уварова хмыкнула и бросила на него быстрый взгляд.

— Нет. Я ни с кем не знакомлюсь. Вдруг им нужна подвеска, а не я сама.

Майка на ней сидела набекрень — наискосок сползала с плеча, а на спине отпечатались пыль дорог Тенерифе. Выглядела она невероятно забавно: взъерошенная, перепачканная и смурная. В растрепанных светлых волосах запуталась травинка, Риган вытащил ее и отправил в рот.

— Неф, не мофет фыть, — сказал он, не разжимая губ.

Она пожала плечами, нахмурилась и отвернулась.

— Мне сейчас не до разбойников. Голова занята другим.

Несколько минут они шли в полном молчании, потом Агнесса резко остановилась.

— Да что со мной не так?! Веду себя, как... как...

— У тебя сложный характер? — Риган выплюнул травинку и провел рукой по ее шортам, натянутым на весьма аппетитной пятой точке. — Давно надо было отряхнуть.

— Я всегда считала себя приятной в общении, — Агнесса отпрянула от него, отряхнулась, поправила майку и оглядела его с головы до ног. — У тебя тоже рубашка испачкалась. Дай помогу.

Уварова прикасалась к нему так, будто под одеждой скрывался аллигатор: стоит расслабиться, он набросится и сожрет с потрохами. А Ригану хотелось перехватить ее запястья и целовать, чтобы и думать забыла обо всем. Она с самого начала нешуточно его заводила, но по какой-то непонятной

причине играла в старшекласницу пуританского воспитания. Поначалу это забавляло, но в том отделе ему было совсем не смешно.

— Я думала, ты не хочешь меня видеть после примерочной.

— Моя мужская гордость до сих пор просит пощады, но я не настолько мелочен, — Риган почесал щеку.

После истории в магазине он решил оставить ее в покое. Женщины, для которых примириться со знаками внимания мужчины и довериться ему — все равно что запустить ядовитую змею в трусы — не для него, но в случае с Агнессой было что-то другое. И пока он не понял, что именно, дальше эту реку не перейти.

— Я не хотела, чтобы все произошло... так.

— Так — это как?

— Когда тебе все равно с кем.

Риган прищурился.

Какой-то осел — предположительно из тех, что предпочитает «не платить за секс» использовал девчонку и вышвырнул за ненадобностью. И даже плюшевого медведя не подарил напоследок.

— Было похоже, что мне все равно?

Агнесса слегка покраснела, а Риган вспомнил, как на ней сидит то платье, и разом сменил тему.

— Ты обещала океан.

Остаток пути они проделали в молчании. Риган старался

не думать о влечении к ней, а о чем думала она, для него было загадкой.

— Тут красиво, — призналась Агнесса, когда они оказались на пляже. — Но я скучаю по дому. А ты?

Риган задумчиво поддел ногой песок, взметнув ввысь серый фонтанчик. Здесь почти все пляжи такие — спасибо близости вулкана, на некоторых песок совсем черный. Смотрится не так красиво, как на Мальдивах, в Варадеро или Ларомане, но есть люди, которые влюбляются в Тенерифе с первого взгляда.

— Нет.

Они шли у самой кромки воды, и, как ни странно, Агнесса не выпустила его руки.

— Чем занимаешься?

Непростой вопрос. По правде говоря, Риган работал на *Дариана*. Сколько тысячелетий назад это существо пришло в мир, кто и что оно такое, оставалось тайной. В теневом мире считалось, что именно он создал измененных. Некоторые полагали, что Дарианом прикрываются старшие, желающие держать молодняк на коротком поводке, тем не менее одно только его имя наводило суеверный страх. Никто, кроме его подчиненных не знал, как он выглядит, поэтому подобраться к нему было невозможно.

Сам Риган точно мог сказать только одно: он существует. Ему доводилось встречаться с измененными, которым переваляли и за пятьсот, и за тысячу. Возрастные сородичи от-

личались раздутым самомнением и подавляющей энергетикой — находиться с ними в одной комнате было тяжело, а временами и невыносимо. Большинство умели закрываться, прятать свою силу, а соответственно и возраст — тогда становилось полегче, но пользовались этим талантом далеко не все. Дариан был не похож ни на одного из них.

Высокий, темноволосый, с пронзительным взглядом ярко-синих глаз, он напоминал самого обычного человека. До того самого момента, как решался раскрыть свою бездну и показать всю ее глубину. Это случилось, когда они только познакомились: Дариан лично беседовал со всеми, кому предстояло на него работать. Риган как сейчас помнил россыпи звезд на темном небе, запах моря и пристальный, изучающий взгляд. А потом тот протянул ему руку, и прикосновение пронзило ладонь болью и холодом: словно в нее разом вонзились сотни ледяных игл. Внутренний зверь — измененный — вскинулся было, но тщетно. Он бился, запертый в клетке хрупкого и бесполезного тела, скулил, предчувствуя скорую гибель.

Риган почувствовал, что не может пошевелиться, мороз расплзался по коже, а пристальный взгляд Дариана больше не казался человеческим: глазами стоявшего перед ним существа смотрела сама пустота, в которой ворочалась неизведанная и непостижимая мощь. По телу шли судороги, боль терзала и сводила с ума, но он держался неестественно прямо. Казалось, что стоит Дариану сжать руку немного силь-

нее — и он разлетится ледяным пеплом, который мгновенно растает в летней ночи. А потом все прекратилось. Никогда в жизни Риган больше не видел его таким, но та демонстрация силы отпечаталась в памяти навечно. Еще долго в его присутствии по коже растекался холод-воспоминание, смотреть Дариану в глаза было невыносимо, а видеть улыбку на слишком человеческом лице — странно.

Зверь почуял силу вожака, признал старшинство. Зверь, но не человек. В ту ночь Риган понял, что ни отказаться, ни уйти с этой работы он не сможет. Подсознательный страх перед Древним сменялся яростью, ярость — ненавистью, ненависть — смирением, и так по кругу и до бесконечности, но чем сильнее было чувство, тем отчетливее он ощущал незримую цепь, удерживающую его рядом с могуществом Дариана. С миром, пропуск в который получали единицы.

Риган не стал рассказывать о нем Уваровой — это не то, что хотелось обсуждать.

— Трачу заработанные дедом и прадедом миллиарды, финансирую несколько успешных компаний, пью и прожигаю жизнь по полной, — беззаботно отозвался он.

— Откровенно, — улыбнулась Агнесса. — Мы здесь надолго?

— Я пытаюсь разузнать побольше о тех, кто жаждет заполучить подвеску, но они шифруются на удивление грамотно. Так что ничего точно сказать не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.